

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ ИМЕНИ: СВЕТЛАНА¹

В русском обществе, где знаковые элементы всегда играли важную роль, тема личного имени приобретает особую значимость: его носитель как в жизни, так и в литературе воспринимается наследником и продолжателем не только своего святого покровителя, но и исторического или литературного тезки. Отсюда актуальность темы личных имен и их культурно-исторического значения. Недавно в контекст современной науки были введены три важные имени-образа: *Лиза*, *Нина* и *Вовочка*. В. Н. Топоров показал, как на протяжении двух столетий в русской культуре не только формировался, но и постоянно «подпитывался» карамзинской героиней образ Лизы². Именно Карамзин задал этому образу параметры, которые невозможно было игнорировать создателям всех послекарамзинских Лиз. Книга А. Б. Пеньковского посвящена другому важному имени-символу русской культуры — имени *Нина*³. Пеньковский поставил перед собой иную задачу: проследить, как уже существующий в высших дворянских кругах образ *Нины* формирует и определяет психологические и интеллектуальные черты «литературных» *Нин* первой половины XIX в., создав этому имени инерцию, дошедшую, как полагает автор, до нашего времени. Статья А. Ф. Белоусова «Вовочка», в отличие от двух первых работ, посвящена мужскому имени *Владимир*, которое рассматривается автором в связи с его переходом в деминутивную форму *Вовочка*, в конце концов превратившуюся в анекдотическую маску⁴. Отличие настоящей работы от названных исследований состоит в том, что в ней речь пойдет об имени выдуманном, «литературном», которое только благодаря балладе В. А. Жуковского отвоевало себе равноправное место в ряду традиционных русских женских имен⁵. Узкий (на первый взгляд) ан-

¹ Работа написана при поддержке гранта American Council of Learned Societies (ACLS).

² Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. М., 1995.

³ Пеньковский А. Б. Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М., 1999.

⁴ Белоусов А. Ф. Вовочка // Антимир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. М., 1996. С. 165—186.

⁵ См. мои работы на эту тему: «При мысли о Светлане...»: Баллада Жуковского в общественном и литературном обиходе // Имя — сюжет — миф. СПб., 1996. С. 45—64; Семантическая история одного имени (От *Светланы* к *Светке*) // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: Тезисы Меж-

тропонимический вопрос о происхождении и судьбе имени *Светлана* оказался исключительно сложным и многоаспектным. В процессе работы к имени *Светлана* добавлялись все новые и новые, часто — неожиданные и парадоксальные оттенки и смыслы, меняющие до неузнаваемости образ первой и главной Светланы — Светланы Жуковского. Баллада «Светлана» сыграла в истории этого имени решающую роль, что вызвало необходимость уделить большое внимание истории ее в русской жизни.

Исследование об имени *Светлана*, как хочется надеяться, заполнит брешь в культурной истории имени, о котором известный специалист по русской антропонимике В. А. Никонов писал, что «оно еще ждет своих исследователей»⁶.

I

С первым «вольным переводом» Жуковского нашумевшей на всю Европу баллады Г. А. Бюргера «Ленора» (1773) русский читатель познакомился по «Вестнику Европы» в 1808 г., где она была напечатана под названием «Людмила» и с подзаголовком «русская баллада». Уже в «Людмиле» Жуковский слегка русифицировал текст первоисточника, введя ряд псевдоисторических деталей и заменив имя героини на славянское. «Людмила» привлекла всеобщее внимание и имела большой читательский успех. «Людмилой» были удовлетворены, кажется, все, кроме самого Жуковского, который сразу же после ее опубликования берется за создание еще одной версии той же баллады. Это свидетельствует о том, что проблеме создания «русской баллады» Жуковский не считает решенной.

Работа над новым переложением продолжается четыре года — с 1808 по 1812. Первый замысел («Ольга») отвергается, второй («Гадание») также отвергается, третий («Светлана») воплощается в жизнь⁷. Меняется сюжет, меняется название, меняется имя героини. Поиски удовлетворительного варианта идут по трем направлениям.

дународной научной конференции. Ч. 2. М., 2001. С. 207—210; «Красуля по имени Света...»: К вопросу о деформации образа и смысла имени // Канун: Альманах. СПб., 2001. С. 261—272.

⁶ Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974. С. 69.

⁷ О работе Жуковского над «Светланой» см.: Губарева Р. В. «Светлана» В. А. Жуковского (Из истории русской баллады) // Учен. зап. Ленигр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1963. Т. 245. С. 175—196; Душина Л. Н. История создания «Светланы» В. А. Жуковского // Пути анализа литературного произведения М., 1981. С. 188—194.

Во-первых, для «русской баллады» Жуковскому необходима была «национальная» тема; и он находит ее в старинном народном празднике — святках.

Во-вторых, в процессе поиска названия новой баллады Жуковский проходит путь от имени героини («Ольга») к теме («Гадание») и от темы снова к имени («Светлана»). Это возвращало читателя к оригиналу и к первой переработке Жуковского, где также в заглавии стояло имя героини. Такое название концентрировало внимание именно на героине, в то время как святки становились фоном, оправдывающим сюжет и дающим возможность ввода этнографических сцен, ставших со временем обязательными для «святочных» произведений. И, наконец, в-третьих — процесс поиска самого имени. Выбор сначала падает на *Ольгу*. Однако *Ольга* отвергается, скорее всего, по причине слишком сильных исторических ассоциаций: княгиня Ольга была уже хорошо известна читателю по историческим сочинениям, и ее имя могло привлечь в текст противоречащие замыслу Жуковского коннотации. Русская поэзия и драматургия второй половины XVIII — начала XIX в. использовала множество псевдорусских имен с положительной эмоциональной окраской: *Милена, Приятя, Милолика, Добрада, Блондина* и т. п. Так и Жуковский, обдумывая план поэмы «Владимир», над которой он работал одновременно со «Светланой», дает ее женским персонажам имена того же типа. Однако, выбирая имя героини для новой версии бюргеровской баллады, он останавливается на *Светлане*. Жуковский не выдумывает это имя — оно уже известно. Им уже воспользовался А. Х. Востоков в «старинном романсе» «Светлана и Мстислав», написанном в 1802 и напечатанном в 1806 г.⁸ Дав героине новой баллады имя, производное от прилагательного «светлый», обладающего широким спектром положительных оттенков, Жуковский «подарил» XX в. одно из самых популярных имен.

О новой балладе Жуковского заговорили еще до ее опубликования. Пока, конечно, только в узком кругу «своих». В июне 1812 г. К. Батюшков пишет Жуковскому: «Пришли нам свою балладу, которой мы станем восхищаться, как “Спящими девами”, как “Людмилой”...»⁹. Новая баллада уже ходит по рукам. Через месяц тот же Батюшков сообщает П. А. Вяземскому: «Я читал балладу Жуковского: она очень

⁸ См.: Востоков А. Х. Светлана и Мстислав. Богатырская повесть в четырех песнях // Поэты-радищевцы. Л., 1979. С. 79—92. Близкое по звучанию имя (*Светана*) используется В. А. Лёвшиным в повести «Приключения собственные Булата»; см.: Лёвшин В. Русские сказки... // Старинные диковинки: Волшебные-богатырские повести XVIII века. М., 1991. С. 279—316.

⁹ Батюшков К. Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 220.

мне понравилась и во сто раз лучше его дев, хотя в девах более поэзии, но в этой больше грѣсе и ход гораздо лучше»¹⁰. Первый выпуск «Вестника Европы» за 1813 г. дал возможность познакомиться с текстом «Светланы» широкому кругу любителей поэзии. Поэты отреагировали на публикацию незамедлительно. В том же «Вестнике Европы», через номер, было напечатано послание А. Ф. Воейкова «К Жуковскому», в котором героини его баллад изображаются как подруги поэта: «*Иль с Людмилою тоску делишь, / О потере друга милого. / Иль с Светланой прелестною / Вечерком крещенским резвишься...*»¹¹.

Седьмой номер «Вестника Европы» за 1814 г. также содержит отсылку к «Светлане»: В. Л. Пушкин в послании «К Д. В. Дашкову» так характеризует ее автора: «*Жуковский, друг Светланы, / Харитами венчаный...*»¹². В том же году молодой Пушкин, обращаясь к сестре, использует образ героини баллады для сравнения его с адресатом послания: «*Иль смотришь в темну даль / Задумчивой Светланой / Над шумною Невой?*»¹³. Летом 1814 г. на празднике, устроенном по поводу дня рождения А. И. Плещеевой в имении Чернь (неподалеку от Билёва, где жил тогда Жуковский), виновница торжества уже «пела “Светлану” с оркестром»¹⁴.

Члены литературного общества «Арзамас», основанного в 1815 г., получали, как известно, прозвища, заимствованные из баллад Жуковского и более всего — из «Светланы», причем сам «балладник» получает имя героини этой баллады, которое в дружеском кругу закрепилось за ним навсегда. Так, в сентябре 1817 г. А. И. Тургенев пишет Вяземскому: «Прощальным он <вечер. — Е. Д.> будет для Светланы, которая завтра скачет в Дерпт...»¹⁵, а Пушкин в конце августа 1831 г., рассказывая в письме к Вяземскому о поминках по его дяде В. Л. Пушкину, сообщает о Жуковском: «Светлана произнесла надгробное слово, в коем с особенным чувством вспоминала она обряд принятия его в Арзамас»¹⁶.

Вскоре круг поклонников «Светланы» расширяется. Дети, барышни, любители поэзии заучивают балладу наизусть. Ее, по обычаю того времени, декламируют на вечерах и раутах, она откладывается в сознании читателей целиком, отдельными строчками, фрагментами. Текст начинает свою «общественную» жизнь.

¹⁰ Там же. С. 223.

¹¹ Воейков А. Ф. К Жуковскому // Вестник Европы. 1813. № 5—6. С. 26.

¹² Пушкин В. Л. К Д. В. Дашкову // Вестник Европы. 1814. № 7. С. 208.

¹³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1956. С. 47.

¹⁴ Соловьев Н. В. История одной жизни. Пг., 1916. Соловьев. Т. 1.

¹⁵ Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 33.

¹⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 379.

В июне 1815 г. в одном из писем Жуковский сообщает о визите, нанесенном им Е. И. Кутузовой, вдове фельдмаршала. Кутузова подвела к поэту своего маленького внука. «Его заставили, — пишет Жуковский, — читать мне *Светяну*, он сперва упирался, потом зачитал и наконец уж и унять его было нельзя» <Курсив Жуковского. — *Е. Д.*>¹⁷. Ребенок, судя по беглости чтения, знает балладу назубок. В том же письме Жуковский сообщает о том, что дочь хозяйки Е. М. Хитрово читает его баллады «с удивительным, как говорят, совершенством»¹⁸. В сентябре 1815 г. Жуковский посещает царский двор в Павловске, где в течение трех дней читает свои баллады, в том числе, конечно, и «Светлану». При дворе его «баллады приводили слушательниц в восторг»¹⁹. После этого Жуковский получает высочайшее предложение стать чтецом императрицы Марии Федоровны.

Устное «тиражирование» текста «Светланы» продолжается в разных кругах. Александра Протасова (Воейкова), адресат баллады Жуковского, в одном из писем 1823 г. сообщает о каком-то драматическом представлении «Светланы», где героиню изображала Е. С. Семенова, причем «с такой трагической манерой, что это имело вид совершенной пародии. Невозможно было не смеяться!»²⁰.

В 1820 г. Н. И. Греч включает «Светлану» в «Учебную книгу по российской словесности»²¹. С этого времени баллада Жуковского, прочно закрепившись в качестве обязательного текста учебных программ, входит в многочисленные хрестоматии для гимназий и других средних учебных заведений, превратившись тем самым в хрестоматийный текст²². Хрестоматийные тексты играют в жизни общества особую роль — известные всем (или очень многим), они составляют язык этого общества; ими становится возможным оперировать без отсылок в различных языковых, культурных и бытовых ситуациях. Достаточно бывает намек на него, чтобы вызвать в собеседнике нужные

¹⁷ Уткинский сборник. М., 1904. Вып. 1. С. 14.

¹⁸ Там же. С. 14.

¹⁹ *Толшевский Б. В.* Пушкин. Кн. 1. М.; Л., 1958. С. 251.

²⁰ *Соловьев Н. В.* История одной жизни. А. А. Воейкова — «Светлана». Т. 2. С. 40.

²¹ *Греч Н.* Учебная книга по российской словесности... СПб., 1820. С. 345—352.

²² См., например: *Пеннинский И.* Российская хрестоматия или отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах. СПб., 1834. Ч. 2. С. 425—434; *Попов А.* Пособие при изучении образцов русской литературы. М., 1868. С. 409—418; *Смирновский П.* Русская хрестоматия. Ч. 1. Для двух первых классов средних учебных заведений. М., 1914. С. 319.

ассоциации. Однако даже среди ряда других хрестоматийных произведений «Светлана» занимает особое место.

Уже в конце 1820-х гг. знание этой баллады наизусть превращается в одну из характерных и, одновременно с этим, банальных черт образования и умений провинциальной «культурной» барышни, о чем свидетельствует хотя бы характеристика героини поэмы В. Л. Пушкина «Капитан Храбров» (1828): *«Наташа многое уж знала: / Умела колтаки вязать, / На гусях песенки бречать / И полотенца вышивала / <...> / “Светлану” наизусть читала...»*²³.

Косвенным подтверждением этому может служить и стихотворение Н. М. Языкова «Островок», где «девица-краса» читает в беседке *«Поэта Светланы, / Вольтера, Парни...»* (1824)²⁴. Автор повести «Кокетка» (1839) Н. Н. Веревкин, противопоставляя своей героине ее соучениц, следующим образом характеризует круг их культурных интересов: *«Когда ее сверстницы учили наизусть “Светлану”, плакали, читая Ламартина, вспыхивали завистью, глядя на ротик Доминикиновой Сивиллы, или наперерыв разыгрывали мотивы из “Семирамиды”, она удивлялась и пожимала плечами»*²⁵.

На протяжении многих десятилетий «Светлана» Жуковского по каламбурному выражению А. А. Шаховского в комедии «Липецкие воды» (1815), «питала» «нежный вкус» своих многочисленных читателей и особенно читательниц²⁶.

Известность «Светланы» расширялась год от года. В 1832 г. на ее слова был создан первый опыт музыкальной баллады; в 1845 г. состоялась премьера оперы на ее сюжет; баллада целиком и фрагментами перелагалась на музыку; в песенниках строфы из нее (преимущественно начальные — «Раз в крещенский вечерок...») встречаются с середины века. Особо показательным свидетельством широты круга, в котором становится известна «Светлана», представляется ее вхождение в народную культуру: появление фольклорного варианта текста, лубочных изданий, а также включение фрагментов из нее в представления народной драмы «Царь Максимилиан»²⁷.

²³ Пушкин В. Л. Капитан Храбров // Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 690.

²⁴ Языков Н. М. Собр. стихотворений. <Л.>, 1948. С. 54.

²⁵ Рахманный А. <Веревкин Н. Н.> Кокетка // Библиотека для чтения. 1839. Т. 18. С. 165.

²⁶ Шаховской А. А. Урок кокеткам, или Липецкие воды // Стихотворная комедия, комическая опера, водевилль конца XVIII — начала XIX века: В 2 т. Т. 2. Л., 1990. С. 120.

²⁷ См.: Русский фольклор: Библиографический указатель. 1881—1900. Л., 1990. № 5068—5069. С. 448.

Баллада Жуковского представляет собой пример того, как литературное произведение превращается в текст, выполняющий не только литературные функции: она начинает самостоятельную жизнь в различных сферах быта. Текст баллады, будучи «на памяти у любого человека, равнодушного к русской поэзии»²⁸, буквально разбирается по цитатам, которые, как писал Ю. Н. Тынянов о хрестоматийных текстах, сохраняя «старую эмоциональность», вводили предшествующий литературный и культурный опыт, поддерживали этот опыт и закрепляли его в культурном сознании²⁹.

Бесконечное число раз строки из «Светланы» использовались в качестве эпиграфа. Эпиграфичность — особое свойство текста, способность его фрагментов служить ключом, задавать тему или настроение другим произведениям. Это свойство в высшей мере характеризует балладу Жуковского. Приведу ряд примеров: эпиграф к пятой главе «Евгения Онегина»: «*О, не знай сих страшных снов / Ты, моя Светлана!*»; эпиграф к повести Пушкина «Метель»: «*Кони мчатся по буграм, / Топчут снег глубокий...*» и следующие восемь строк; эпиграф к седьмой главе первой части романа И. И. Лажечникова «Ледяной дом»: «*Раз в крещенский вечерок...*» и следующие три строки; сквозной эпиграф к газете В. Н. Олина «Колокольчик»: «*Чу!.. В дали пустой гремит / Колокольчик звонкий*»; эпиграф (равно как и само название) к рассказу «Крещенский вечерок» некоего Сороки «*Раз в крещенский вечерок...*»³⁰; эпиграф к пьесе «Декабрь (Святки)» из цикла «Времена года» Чайковского; эпиграф к третьему посвящению «Поэмы без героя» Ахматовой «*Раз в крещенский вечерок...*». Реминисценция из «Светланы» включена в стихотворение А. Н. Глебова «Ночной путь»: «*Но... чу!.. сквозь сон им колокольчик слышен*»³¹. Название «Крещенский вечерок» получают многие тексты святочного содержания, а также сборники святочных и рождественских рассказов³².

Широкая известность баллады «Светлана» сказалась и в том, что она вызвала множество пародий и литературных переделок³³. В мемуарах

²⁸ Немзер А. «Сии чудесные виденья...» // Свой подвиг свершив. М., 1987. С. 161.

²⁹ Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. М., 1965. С. 254.

³⁰ Сорока. Девушки гадают // Развлечение. 1884. № 1. С. 12—14.

³¹ Глебов А. Ночной путь // Колокольчик. 1831. № 1—2.

³² См., например: Крещенский вечерок: Детские сказки. СПб., 1838; Бен-Амур <Красницкий А. И.>. В крещенский вечерок // К иллюстрированному журналу «Родина». № 2. 1900. С. 10—11; Дан. В. В крещенский вечерок // Московский листок. 1895. Прибавление к № 2. С. 6—8.

³³ О пародиях на «Светлану» см.: Гаркави А. М. Заметки о М. Ю. Лермонтове // Учен. зап. Калнинингр. гос. пед. ин-та. 1959. Вып. 6. С. 284.

А. Григорьева упоминается «знаменитая пародия на Жуковского “Светлану”», где имеется в виду ходившая в списках по рукам в конце 1830-х гг. «Новая Светлана» М. А. Дмитриева³⁴. В газетах и журналах второй половины XIX — начала XX в. пародии на «Светлану» и ее переделки встречаются неоднократно. Такова, например, переделка Н. С. Стружкина «Гаданье на святках» (1882): «Раз на святках в барский дом / Съехалось собрание, / Чтоб устроить вечерком / Русское гаданье...»³⁵. Переделкой «Светланы» является и сатирическое стихотворение И. В. Воинова «Немецкое гадание» (1915): «Раз в крещенский вечерок / Варвары гадали: / Истоцив обычный “бир” / И загадив стойла, / Налегали на эфир / И иные пошла...»³⁶. Начало и стихотворный размер «Светланы» использует и Маяковский в «Окнах Роста» (1919): «Раз / в крещенский вечерок / буржуа гадали: / красного в бараний рог / скрутим мы когда ли?»³⁷ и др.

Однако более всего «Светлана» оказалась связанной со святками: явившись одним из самых известных произведений русского романтизма, она надолго останется «сигналом» святочной темы как в литературе, так и в жизни. Горожане и поместное дворянство, утратив ряд народных особенностей святочного поведения, восполняли эту утрату за счет чтения «святочных» текстов. Эта ситуация воспроизведена «в романе в стихах» Евдокии Ростопчиной «Дневник девушки» (1850): чтение новогодним вечером «Светланы» спровоцировало в среде знатной дворянской молодежи устройство святочных гаданий: «Затяжи Елена оживляла / Весь вечер. Прочитавши громко нам / Жуковского прелестную Светлану, / Она осуществить хотела игры / Народной старины и русских святок...»³⁸.

Баллада Жуковского как бы сконцентрировала в себе идею праздника — святки, святочные сцены и особенно девичьи гадания неизбежно напоминали о ней, актуализировали в сознании ее текст. Так, фельетонист «Северной пчелы», описывая в 1848 г. только что прошедшие святочные празднества в Петербурге, рассказывает о народных увеселениях и сравнивает их со сценами из «Светланы»: «Как мило изобразил это В. А. Жуковский в русской балладе “Светлана”»³⁹. Е. Л. Марков в автобиографи-

³⁴ Григорьев А. Воспоминания. Л., 1980. С. 392 (Прим.). Текст «Новой Светланы» см.: Русский архив. 1885. № 1. С. 649—659.

³⁵ Стружкин Н. С. Гаданье на святках // Московский листок. 1882. № 5. 6 янв. С. 1.

³⁶ Воинов В. Немецкое гадание // Новый сатирик. 1915. № 2. С. 3.

³⁷ Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 13. М., 1958. С. 53—54.

³⁸ Ростопчина Е. П. Счастливая женщина: Лит. соч. М., 1991. С. 281—282.

³⁹ Фельетон. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1848. № 290. 24 дек. С. 3.

ческом цикле «Барчуки» (1866) дает идиллическое изображение усадебных святок 1830-х гг. В этом мире чтение баллад Жуковского, и в первую очередь «Светланы», было обязательным, из года в год повторяющимся, праздничным ритуалом⁴⁰. Иногда декламация «Светланы» превращалась в единственное святочное «мероприятие», которым отмечался праздник. Д. В. Григорович, вспоминая о годах своей учебы в Военно-инженерном училище (конец 1830-х гг.), пишет: «Раз в год, накануне Рождества, в рекреационную залу входил тисьмоводитель Игуменов в туго застегнутом мундире, с задумчивым, наклоненным лицом. Он становился на самой середине залы, выжидал, пока обступят его воспитанники и, не смотря в глаза присутствующим, начинал глухим монотонным голосом декламировать известное стихотворение Жуковского: “Раз в крещенский вечерок / Девушки гадали...” и т. д. Покончив с декламацией, Игуменов отвешивал поклон и с тем же задумчивым видом выходил из залы»⁴¹.

Размножившиеся к концу XIX в. рекомендации по устройству рождественских праздников для детей, предлагавшие организаторам подходящий материал, всегда включают в себя «Светлану» или же, по крайней мере, отрывки из нее⁴².

Став общим достоянием, текст баллады оказался способным к выполнению определенной функции в святочном ритуале.

Слушание или чтение подобного рода произведений становилось потребностью святочного времени. «Я стараюсь забыть за “Светланой” Жуковского...»⁴³, — писал А. К. Воронский в мемуарном рассказе «Бурса» (1933), вспоминая один из святочных вечеров своего детства. «Я, например, могу читать Жуковского ночью в Рождественский сочельник», — говорил Блок (несомненно, имея в виду прежде всего баллады)⁴⁴, а святочной ночью 1901 г. именно «Светлана» вдохновила его на стихотворение «Ночь на Новый год»: «*Душа морозная Светланы — / В мечтах таинственной игры / <...> / Душа задумчивой Светланы / Мечтой чудесной смущена...*».

II

Усвоение текста «Светланы» литературой, народной культурой и обиходом дореволюционной России в значительной мере объясняется

⁴⁰ См.: Марков Е. Барчуки: Картины прошлого. СПб., 1875. С. 222.

⁴¹ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 40.

⁴² См., например: Швидченко Е. <Быстров Б.> Рождественская елка: ее происхождение, смысл, значение и программа. СПб., 1898.

⁴³ Воронский А. Бурса // Новый мир. 1933. Кн. 1. С. 157.

⁴⁴ Седовской Б. Встречи // Звезда. 1968. № 3. С. 185.

ее святочной тематикой. Однако не меньшую роль в этом процессе сыграла и увлеченность читателями героиней баллады, которая была воспринята как воплощение самых привлекательных черт русской девушки. Неудивительно поэтому, что вскоре после ее написания в литературе, в фольклоре и в жизни стали появляться образы-двойники Светланы, а также ее портретные изображения, которые создавались как художниками-профессионалами, так и безымянными авторами «народных картинок».

В сознании читателей баллада запечатлевалась и как словесный текст, и как зримо представимый образ — образ героини, гадающей на зеркале. Именно поэтому картины девичьих гаданий и гадания Светланы оказались не только центральными, но и вытесняющими собою другие эпизоды. Остальные детали и ходы балладного сюжета (возвращение жениха, скачка молодых на тройке, церковь, избушка, голубок и пр.) как бы выпадали из текста или, по крайней мере, не возникали в сознании сразу же — «при мысли о Светлане». Тема гадания девушки на зеркале или «приглашения суженого на ужин» неизменно напоминала о героине баллады. Вспомнил ее Пушкин, собираясь отправить свою Татьяну на «страшное» гадание в бане, где она уже велела «на два прибора стол накрыть»: «*И я — при мысли о Светлане / Мне стало страшно — Так и быть... / С Татьяной нам не ворожить*». «Устраивая» гадания для своих героинь, вспоминает ее М. П. Погодин в «святочных» повестях «Суженый» (1828) и «Васильев вечер» (1832). Увидев на сцене изображение святочных гаданий, вспоминает ее и рецензент драмы А. А. Шаховского «Двумужница, или За чем пойдешь, то и найдешь» (1832): «*Хор поет еще до поднятия занавеса; когда же он открывается, то мы видим на сцене первую строфу “Светланы”, баллады Жуковского: Раз в крещенский вечерок / Девушки гадали...*»⁴⁵. Светлана приходит на ум гадающим на святках гимназисткам и институткам, как, например, в романе Н. А. Лухмановой «Девочки» (1899) («...*вот Татьяна у Пушкина идет на двор в открытом платье и наводит месяц на зеркало, или вот — Светлана садится перед зеркалом в полночь*»⁴⁶) и в ее же рассказе «Гаданье» (где героине во время гаданья на зеркале «вспомнилась баллада Жуковского», после чего приводятся строки из «Светланы»: «*В чистом зеркале стекла / В полночь, без обмана, / Ты узнаешь жребий свой...*»⁴⁷).

⁴⁵ Каменев А. Русский театр // Лит. прибавления к «Русскому инвалиду». СПб., 1832. № 101. 17 дек. С. 806.

⁴⁶ Лухманова Н. А. Девочки. Воспоминания из институтской жизни. СПб., 1899. С. 117.

⁴⁷ Лухманова Н. А. Женские силуэты. СПб., 1896. С. 149—150; см. также: Купчинский И. А. Гаданье // Газета Гатчука. 1880. № 1. 5 янв. С. 10—15; Ба-

Образ Светланы безошибочно узнается, разыгрываемый в шарадах, — одном из популярных святочных развлечений в дворянских домах. Так, в первом номере газеты «Листок» за 1831 г. автор заметки, описывая только что прошедшие святочные вечеринки, рассказывает о представленных на них шарадах. В одной из них изображалась «Светлана перед зеркалом»⁴⁸. М. И. Пыляев в очерке о праздниках, проводившихся в первой половине XIX в. в доме одного из «петербургских крезов», описывает инсценировку «шарады в лицах» со словом «баллада», где этот жанр также был представлен «Светланой»⁴⁹. Слово «баллада» с явной отсылкой к «Светлане» в 1819 г. разыгрывалось и в доме Олениных, причем участниками этого представления были сам Жуковский, Пушкин и Крылов⁵⁰.

С постепенным вхождением в жизнь текст баллады сгушался в сознании читателей в пластический образ — образ героини, сидящей перед зеркалом. Наиболее известным примером его живописного воплощения является картина К. Брюллова «Гадающая Светлана» (1836), на которой изображена девушка с русой косой в русском сарафане и кокошнике, сидящая перед зеркалом и смотрящая в него напряженным и испуганным взглядом. Картина эта — отнюдь не иллюстрация к балладе (или, по крайней мере, не только иллюстрация), а воссоздание уже существующего в общественном сознании образа. Подтверждением тому являются и многочисленные литографии по мотивам гадания Светланы в иллюстрированных изданиях второй половины XIX — начала XX в.⁵¹ Примером тому служат и стихотворные тексты на эту тему: «Уж полночь... Зеркало и две свечи пред ним... / Красавица сидит, очей с него не сводит... / <...> / И отражается в нем чудное виденье...»⁵².

Так Светлана, героиня баллады Жуковского, превращается в образ-символ гадающей на святках девушки. Как писала Цветаева: «то же самое, что “Раз в крещенский вечерок”, и ведь главное — те же девушки!»⁵³.

ранцевич К. С. Гусарская сабля // Всемирная иллюстрация. 1896. № 1454. С. 671—676.

⁴⁸ Львов К. В. Смесь // Листок. 1831. № 1. С. 42.

⁴⁹ Пыляев М. И. Замечательные чудачки и оригиналы. М., 1990. С. 177—178.

⁵⁰ См.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799—1826. М., 1991. С. 179.

⁵¹ См., например: Развлечение. 1865. № 1. С. 12; Новый сатирикон. 1915. № 2. С. 8.

⁵² Всемирная иллюстрация. 1895. № 1353. С. 1.

⁵³ Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1994. С. 125.

Чем же можно объяснить такой успех героини баллады, столь сильную эмоциональную реакцию читателя на созданный Жуковским образ? «Светлана»-текст и Светлана-героиня не просто понравились читателю — они пленили, они покорили его, о чем свидетельствует хотя бы высказывание С. П. Шевырева: «И вот за полунемочкой Людмилой, которую похитил жених-мертвец, явилась в сарафане русская красавица Светлана, на святочном вечере, и загадала свою сердечную думу в зеркало, и совершался дивно-страшный сон ее, и увлекал в мир мечты сердца дев и юношей...»⁵⁴.

У Жуковского Светлана — милая, обаятельная, прелестная, идеальная, при том, что она почти ничего не делает на протяжении всего балладного сюжета. В начале о ней сказано, что она «молчалива и грустна». Потом подружки просят ее спеть подблюдную песню; она отвечает, что «готова умереть в грусти одинокой». Когда им, наконец, удается уговорить ее погадать — «с тайной робостью она в зеркало глядится». Остальное — сон. При этом автор постоянно отмечает робость своей героини: «*Чуть Светлана дышит...*»; «*Робко в зеркало глядит...*»; «*Занялся от страха дух...*»; «*Сердце вещее дрожит; / Робко дева говорит...*»; «*Пуще девица дрожит...*», «*Входит с трепетом, в слезах...*»; «*Под святыми в уголке / Робко притаилась*»; «*Что же девица?.. Дрожит...*». Эта характеристика, как видим, повторяется многократно. Героиня все время робеет и дрожит, практически бездействуя, и, несмотря на это, — совершенно покоряет читателя. В значительной мере это объясняется и обаянием *позы*, выбранной для нее поэтом, — *позы гадалщицы*, и очарованием грустной и молчаливой девушки, покорной своей судьбе.

Обаяние героини поддерживается и усиливается авторским отношением к ней — автор ее *любит*. «Очень привлекательна в балладе эта авторская любовь к героине, неизменное и сердечное авторское сочувствие к ней», — пишет Е. А. Маймин⁵⁵. «*Милая Светлана*», «*красавица*», «*моя краса*», «*радость, свет моих очей...*», «*Ах, Светлана, что с тобой?*» — теплота, исходящая от автора, буквально окутывает Светлану. Отношение поэта к своей героине передается и читателю. Пытаясь разгадать секрет очарованности читателя Светланой, С. П. Шевырев пишет об уникально русском переживании прекрасного, которое, по его мнению, включает в себя непере译имое ни на какую иную культуру и непонятное никакой иной культуре понятие, выражаемое словом *милое*: «Светлана представляет тот вид красоты

⁵⁴ Шевырев С. О значении Жуковского в русской жизни и поэзии // Москвитин. 1853. № 2. Кн. 2. С. 84.

⁵⁵ Маймин Е. А. О русском романтизме. М., 1975. С. 40.

в русской поэзии, для которой нет выражения ни в какой немецкой эстетике, а есть в русском языке: это наше родное *милое*, принявшее светлый образ... Для Жуковского *милое* совершилось воочию в его «Светлане»⁵⁶ (Курсив С. П. Шевырева. — *Е. Д.*).

«Философия смирения и покорности <...>, — замечает Р. В. Губарева, — в особенности сказалась на трактовке характера главной героини баллады — Светлане, которая, по замыслу Жуковского, должна была стать воплощением национального начала»⁵⁷. Молчаливость, кротость и грусть показаны как достоинство — как наиболее характерные и ценные качества русской девушки. Теми же чертами наделяет и Пушкин свою Татьяну, устами Ленского сравнивающий ее со Светланой: «Скажи: которая Татьяна? / — Да та, которая грустна / И молчалива, как Светлана, / Вошла и села у окна». И не удивительно, что Онегин сразу же отдает предпочтение Татьяне, столь похожей в первых главах на героиню Жуковского: «*Неужто ты влюблен в другую?*» / «*А что?*» — «*Я выбрал бы другую, / Когда б я был, как ты, поэт...*»».

Аналогии между образом Светланы Жуковского и образами похожих на нее девушек — персонажей литературных произведений — проводились неоднократно. Е. П. Ростопчина в «дорожной думе» «Огонь в светлице» (1840) пишет: «*И я увижу: там сидит, / Склонившись темной головою / Над тонкой прядью кружевной, / С румянцем пламенных ланит, / И с светло-русою косою / Краса-девица! И она, / Как незабвенная Светлана, / Под простотою сарафана / Свежа и прелести полна*»⁵⁸. А. С. Панов, автор детективной повести «Три суда, или Убийство во время бала» (1876), так характеризует двух своих прямо противоположных по характеру героинь: «*Если Анну Дмитриевну прозвали Тамарой, то Елену Владимировну следовало бы назвать Светланой. Скромная, ясная, непорочная, Русланова менее Бобровой была способна зажечь страсти, но производила какое-то умиротворяющее, целительное действие на душу. Это был воплотившийся чистый ангел, приносивший на землю мир и поселявший в “человецех благоволение”*»⁵⁹.

Отношение поэта к своей героине, идеализация ее, сочувствие ей (сопереживание с ней) и заинтересованность в ее судьбе, а также финал баллады, в котором поэт обращается к ней напрямую («*О, не знай сих страшных снов / Ты, моя Светлана!*») как бы оживляют литературный образ, создают иллюзию его подлинности.

⁵⁶ Шевырев С. О значении Жуковского в русской жизни и поэзии. С. 117.

⁵⁷ Губарева Р. В. «Светлана» В. А. Жуковского (Из истории русской баллады). С. 195.

⁵⁸ Ростопчина Е. П. Талисман. М., 1987. С. 72—74.

⁵⁹ Старый русский детектив. Житомир, 1993. С. 86.

И действительно, в самом конце баллада незаметно переключается в другой жанр — жанр дружеского послания, адресатом которого была Сашенька Протасова, племянница, крестница и любимица поэта. Вскоре после создания «Светланы» и как бы в дополнение к финальным ее строкам Жуковский пишет другое послание к тому же самому адресату и на ту же самую тему — тему судьбы: *«Хочешь видеть жребий свой / В зеркале, Светлана? / Ты спросись с своей душой! / Скажет без обмана / Что тебе здесь суждено!»*⁶⁰. Светлана — героиня баллады — слилась с той, которой эта баллада была посвящена и которой она была адресована: с существующей вживе девушкой Сашенькой Протасовой. Рамки художественного текста оказались разорванными, и героиня вышла в жизнь (или живая девушка вошла в литературный текст?). Пушкин в аналогичном «разрыве текста», совершенном в «Евгении Онегине»⁶¹, следовал за Жуковским — здесь он ученик своего «побежденного учителя».

Е. А. Маймин отмечает, что баллада «Светлана» сделалась особо значимым фактом в жизни самого Жуковского. Он «не только помнит о Светлане, но и воспринимает ее словно бы реально, посвящает ей стихи, ведет с ней дружеские задумчивые беседы»⁶²: *«Милый друг, в душе твоей, / Непорочной, ясной, / С восхищеньем вижу я, / Что сходна судьба твоя / С сей душой прекрасной!»*⁶³.

По всей видимости, этот факт отождествления автором героини баллады и реальной девушки и способствовал преодолению героиней границ литературного текста, из которого она «выходит», слившись с образом Сашеньки Протасовой, получившей в результате этого свое второе имя — *Светлана*. Александра Протасова (Воейкова) как бы реализовала судьбу героини баллады, продолжила ее жизнь, которая, вопреки пророчествам (даже заклинаниям!) поэта (*«Будет жизнь твоя светла...»*), оказалась недолгой, тяжелой и печальной. Однако не сломленная невзгодами, она до конца сохранила «светоточивость» души, оставаясь Светланой и для самого Жуковского, и для своих родных и близких, и для литераторов и поэтов, посвящавших ей стихи, восхищавшихся ею и преклонявшихся перед ней.

«...Баллада, — отмечает А. Немзер, — сформирует ее облик и тип поведения; высокую легенду получит она взамен земного счастья.

⁶⁰ Жуковский В. А. Стихотворения. Л., 1956. С. 137.

⁶¹ См.: Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста. Тарту, 1975. С. 80.

⁶² Маймин Е. А. О русском романтизме. С. 39.

⁶³ Жуковский В. А. Стихотворения. С. 137.

Для многих и многих дворянских девушек», героиня баллады будет «меняющим идеалом, образцом для подражания»⁶⁴.

По мере вхождения баллады в общественную жизнь границы текста оказались размытыми. Сюжет замкнулся на образе, образ вышел из текста, как портрет из рамы, и зажил своей жизнью: судьбой Сашеньки Протасовой, судьбами гадающих девушек и героинь повестей и рассказов — всех тех, для кого Светлана становится образцом. В этом процессе постепенно терялся сам текст: он растаскивался на цитаты и эпиграфы, утрачивал строфы, превращаясь в песню, в романс, в детское стихотворение и в конце концов свернулся в эмблематичный образ героини в позе гадальщицы.

III

Известность баллады Жуковского, обаяние созданного в ней образа, а также исключительно удачно выбранное имя героини привели к тому, что имя это постепенно стало завоевывать в русской культуре свое место. Присвоенное Жуковскому в кругу арзамасцев, закрепившееся за А. А. Воейковой, имя *Светлана* начинает использоваться в других литературных произведениях — как в народных, так и в авторских. Появляются вовсе не связанные сюжетно с балладой Жуковского литературные и драматические произведения, оперы и балеты, героиням которых присваивается имя *Светлана*.

В 1833 г. А. Мейснер пишет стихотворение «Светлане», где имя адресата используется как условное имя возлюбленной поэта: «*День погаснул, и Диана / Золотит эфира синь; / Подойди ко мне, Светлана, / И объятия раскинь...*»⁶⁵.

В 1886 г. композитор Н. С. Кленовский сочиняет музыку к балету «Светлана, славянская княжна»⁶⁶. Царевна по имени *Светлана* действует и в «Сказке о царе Берендее», драматическая версия которой инсценировалась в женских гимназиях⁶⁷. В 1856 г. вышло первое издание лубочной «Сказки о Иване-богатыре, о прекрасной супруге его Светлане», принадлежащее писателю-лубочнику Ф. М. Исаеву. Этот текст является трансформацией сюжета о чудесной жене, известного

⁶⁴ Немзер А. «Сии чудесные виденья...». С. 166—167.

⁶⁵ Мейснер А. Стихотворения. М., 1836. С. 114—115.

⁶⁶ Либретто см.: Богданов А. Н. Светлана, славянская княжна: Балет в 4-х действиях. М., 1886.

⁶⁷ См.: Розанова Н. В. Из моих воспоминаний // Литературоведческий журнал. 2000. № 12/14. Ч. 2. С. 92—93.

в русской народной сказочной традиции по сказке «Царевна-лягушка». Здесь образ жены-лягушки заменен женой-старухой, в которую превратил красавицу Светлану злой волшебник Карачун. Во всех шести редакциях этой лубочной сказки за героиней сохраняется имя *Светлана*. Последняя — Сытинская — редакция появилась в 1897 г.⁶⁸

В начале XX в. название «Светлана» было присвоено ряду сборников песен⁶⁹. Выбор названия не случаен и достаточно показателен для начала XX в. с его интересом к русской старине и народной культуре. Все они открываются первыми двумя строфами из баллады Жуковского, ставшими народной песней еще в 1830-е гг. Анонимность включенных в сборники отрывков из баллады свидетельствует о вполне органичном ее вхождении в массовую культуру.

С середины XIX в. расширяется диапазон явлений и объектов, названных *Светланой*. Уже в 1850-х гг. воды Атлантики бороздит винтовое судно, паровой фрегат Балтийского флота «Светлана»⁷⁰. В 1896 г. на воду был спущен бронепалубный крейсер I ранга «Светлана», один из «активных участников» Русско-японской войны, затопленный 28 мая 1905 г. во время Цусимского боя⁷¹. В 1913 г. в Кронштадте в его честь был заложен еще крейсер с тем же названием, строительство которого не было завершено из-за начавшейся войны. В 1902 г. в Сочи открывается пансионат «Светлана», функционирующий под тем же названием как санаторий и в настоящее время. Это было первое заведение в Сочи, начавшее принимать отдыхающих и превратившее его в город-курорт⁷². Еще более значимое для имени *Светлана* событие произошло в 1913 г., когда оно было присвоено промышленному предприятию, выпускающему электрические лампочки — до сих пор существующему в Петербурге, Объединению электронного приборостроения «Светлана». С этого времени имя *Светлана* впервые оказалось связанным с «электрической» тематикой, получив дополнительный и важный для его будущей судьбы смысл.

⁶⁸ См.: *Корепова К. Е.* Русская лубочная сказка. Н. Новгород, 1999. С. 111—130.

⁶⁹ См.: *Светлана: Новейший сборник песен.* М., 1908; по меньшей мере трижды (в 1911, 1914 и 1915 гг.) переиздавался «Сборник новейших песен» «Светлана» в издательстве И. Д. Сытина.

⁷⁰ См.: *Головнин А. В.* Записки. Т. 2. 1850—1861 // РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 203, 244; *Веселаго Ф. Ф.* Список военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872. С. 114—115.

⁷¹ См.: *Моисеев С. П.* Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М., 1948. С. 76.

⁷² См.: <http://www.ratanews.ru/asp/news.asp?p=622>; *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. М., 1992. С. 76.

Приведенные примеры показывают, что сразу же после создания Жуковским баллады «Светлана» имя ее героини стало уверенно завоевывать русское ономастическое пространство. Однако как имя собственное *Светлана* в течение долгого времени не было легитимным (узаконенным): официально называть девочек Светланами было нельзя. Поэтому к области беллетристики можно отнести рассказ о присвоении в 1913 г. имени «Светлана» промышленному предприятию. Якобы его основатели долго думали над названием, и в конце концов все сошлись на «Светлане»: по их мнению, сочетание слова «свет» и «красивого женского имени» как нельзя более подходило к названию предприятия, выпускающего электрические лампы⁷³. В такой же мере неправдоподобен эпизод из вышедшей в 1957 г. книги Г. Крылова «Подвиг “Светланы”», посвященный гибели крейсера. Здесь смертельно раненый матрос просит сослуживца написать письмо его невесте Светлане, живущей в Белоруссии. Факт маловероятный, но весьма показательный для восприятия имени *Светлана* в период полного его освоения⁷⁴.

Отсутствующее в православных святцах (а значит — нехристианское) имя *Светлана*, действительно, начинает изредка встречаться в русском именнике (но не в святцах!) на рубеже XIX—XX вв. Несмотря на обилие в православных святцах «светоизлучающих» имен (*Фотина/Фотинья, Фаина, Лукина*), в обществе возникла потребность в имени, где бы семантика слова *свет* была прозрачной и понятной. Имя *Светлана* в этом отношении оказалось исключительно удачным, и не удивительно, что у родителей возникало желание называть им своих дочерей. Однако удовлетворить это желание было не так уж просто: священники отказывались крестить девочек *Светланами*. Взамен предлагался греческий дуплет *Фотина/Фотиния* (от греческого *φῶτος* — *свет*), который не вызывал никакого энтузиазма. Имя *Фетинья* (русский вариант *Фотины*) давно уже воспринималось как устаревшее и «простонародное». Кроме того, имя это еще с XVIII в. давалось комическим женским персонажам «низкого» происхождения, как, например, служанка Фетинья из анонимной комедии «Игрище на святках» (СПб., 1774). Да и в крестьянской среде оно вышло из употребления уже к началу XIX в. В. А. Никонов, изучавший русские женские имена XVIII в., зафиксировал всего лишь одну *Фетинью*⁷⁵.

⁷³ См.: «Светлана»: История Ленинградского объединения электронного приборостроения. Л., 1986. С. 15.

⁷⁴ См.: Крылов Г. Подвиг «Светланы»: Исторический очерк. Пенза, 1957. С. 58.

⁷⁵ См.: Никонов В. А. Женские имена в России XVIII века // Этнография имен. М., 1971. С. 124.

Таким образом, несмотря на все возрастающее пристрастие к имени *Светлана*, называть им новорожденных девочек почти никогда не удавалось. Обращения к церковным властям с просьбой о разрешении крестить «народившегося младенца женского пола *Светланой*» не удовлетворялись. В 1912 г. журнал «Церковный вестник», обсуждая проблемы из области церковно-приходской практики, специально остановился на вопросе, «может ли быть наречено имя Светлана?», и писал по этому поводу: «В 1900 г. в Св. Синод дважды поступали от просителей ходатайства о разрешении наименовать дочерей просителей по имени “Светлана”, но Св. Синод не нашел оснований к удовлетворению означенных ходатайств, так как имени Светлана в православных святцах нет»⁷⁶.

Родителям приходилось смиряться, отказываясь от своих намерений или же пользоваться полубившимся именем как домашним и неофициальным. В качестве примера можно привести баронессу Светлану Николаевну Вревскую (урожд. Лопухину), о встрече с которой в 1902 г. рассказывает Б. П. Модзалевский⁷⁷. *Светочкой* в одном из рассказов, написанных во второй половине 1880-х гг., называет свою маленькую героиню В. П. Желиховская. Может быть, она тоже *Светлана*, а может быть, это просто ласкательное домашнее имя⁷⁸. В 1911 г. у лингвиста С. И. Карцевского родилась дочь, которую звали Светланой. Под каким именем она была крещена, неизвестно, но ее младший брат Игорь в состоявшейся недавно личной беседе сообщил, что у его сестры было какое-то второе имя⁷⁹. Ф. Ф. Синецину, родившуюся в Коктебеле в 1920 г. в доме ее деда-священника, крестили Фаиной, в то время как «в школе и дома звали только Светланой»⁸⁰.

Лишь после Октябрьской революции, когда диктат святцев был поколеблен, а неверующими полностью отвергнут (что породило в русском обществе небывалую имятворческую инициативу), имя *Светлана* стало присваиваться девочкам, так сказать, на «законных» основаниях: запись ребенка в ЗАГСах под этим именем, разумеется, не воспрещалась. После революционного время, таким образом, не «открыло» это имя, а лишь закрепило, «узаконило» его в качестве личного имени собственного.

⁷⁶ В области церковно-приходской практики // Церковный вестник. 1912. № 9. Стлб. 292.

⁷⁷ Модзалевский Б. П. Поездка в село Тригорское в 1902 г. // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1903. Вып. 1. С. 5, 7.

⁷⁸ Желиховская В. П. Светочкин сон // Желиховская В. П. Звездочки. СПб., 1902.

⁷⁹ За информацию благодарю Хенрика Барана.

⁸⁰ Синецину Ф. «Подлежу уничтожению как класс»: История о «раскулачивании» Максимилиана Волошина // Родина. 1995. № 2. С. 58.

IV

Антропонимический взрыв, который произошел в России после 1917 г., значительно увеличил количество употребительных имен за счет различного рода экзотики — иностранных, выдуманных, древнерусских и псевдодревнерусских имен⁸¹. Большинство имен, появившихся в результате антропонимического эксперимента 1920—30-х гг. (некоторые из которых носили курьезный характер), вскоре вышло из употребления, с некоторыми общество более или менее свыклось, и лишь несколько из них, прочно закрепившись в русском именнике, стали восприниматься как вполне обычные имена. Среди последних, принятых и вполне освоенных, первое место принадлежит *Светлане*. В. А. Никонов пишет по этому поводу: «Из “новых” имен довоенных лет вошли в современный именник очень немногие. Некоторые оказались удачными и так привились, что теперь неощутима разнородность между греческим именем *Татьяна* и новым, вошедшим в послереволюционные годы именем *Светлана*»⁸².

Приобретение в первые послереволюционные годы чувства «антропонимической свободы», освобождение от диктата святцев, сдерживавших имятворческую инициативу, пришлось на то время, когда баллада «Светлана» была еще «на слуху» молодых родителей, отчего имя ее героини и попало в список новых имен. На первых порах росту общественных симпатий к этому имени способствовали не только память о балладе Жуковского, но и его несомненная благозвучность, соответствие модели других русских женских имен на *-на* (*Татьяна, Елена, Ирина*), а также соотнесенность со словами *свет, светлый*, несущими в себе положительную смысловую и эмоциональную окраску.

В дальнейшем утверждению имени *Светлана* способствовал ряд факторов общественного характера. В условиях социалистической действительности произошло частичное переосмысление этого имени — оно получило дополнительную, «советскую», окраску, согласуясь с новой символикой понятия *светлый* и ассоциируясь с новыми спектрами значений слова *свет* (*свет коммунизма, светлый путь, светлое будущее* и пр.), что, соответствуя романтическим настроениям времени, безусловно импонировало молодым родителям. «Какие прекрасные родители: называете ребенка таким новым, современным именем», — как сказали в ЗАГСе родителям одной из Светлан, родившейся в 1928 г.

⁸¹ См.: Горбаневский М. В. В мире имен и названий. М., 1987. С. 152.

⁸² Никонов В. А. Имя и общество. С. 79.

Специалисты по русской антропонимике, характеризуя антропонимическую картину послереволюционного времени, относят *Светлану* к категории «очень редких» имен. Однако оно обнаруживало в то время явную тенденцию к росту, постепенно превращаясь в одно из любимых имен как культурной, так и партийной советской элиты: в 1920 г. дочь *Светлана* родилась у знаменитого тенора Л. В. Собинова⁸³, в 1923 г. дочь *Светлана* родилась у Н. И. Бухарина, в 1924 г. (или 1925) тем же именем была названа дочь известного советского военачальника М. Н. Тухачевского. Одной из Светлан послереволюционного поколения суждено было сыграть в истории этого имени особую роль.

V

28 февраля 1926 г. дочь *Светлана* родилась у И. В. Сталина. Это был третий ребенок Сталина. В 1907 г. у его первой жены Екатерины Сванидзе родился сын, названный *Яковом*; в 1921 г. вторая жена Сталина Надежда Аллилуева родила ему сына *Василия*. Сыновьям, как видим, были даны традиционные христианские имена. *Светлана* выпадает из этого ряда.

У кого и как возникла мысль из всего репертуара женских имен выбрать для новорожденной весьма экзотическое в то время имя, неизвестно. Сама Светлана Аллилуева (Сталина) в книгах, написанных ею в 1960—1980-х гг., относясь, по-видимому, к своему имени как к совершенно ординарному, по этому поводу ничего не пишет. Предположения на этот счет высказал М. Вайскопф в недавно вышедшей книге «Писатель Сталин». Обсуждая проблему «кавказского субстрата» в личности Сталина, М. Вайскопф сближает имя дочери Сталина с его псевдонимом, с одной стороны, и с кавказской мифологией — с другой. В представлении Сталина имя *Светлана* связывалось, по мнению М. Вайскопфа, с именем матери героя нартовского эпоса *Сослана* или *Сосырко* (в переводе — *Стального*, откуда, как он считает, происходит и псевдоним Сталина). Мать этого Сослана, *Сатбна* — мудрая вещунья, чародейка и отравительница, родившаяся из трупа женщины, оскверненной небожителем. Таким образом, Сталин дает своей дочери имя (а М. Вайскопф не сомневается в том, что это был выбор Сталина), «напоминающее о матери эпического Сослана — светозарной Сатбне...»⁸⁴. Когда Светлана была ребенком (до гибели матери

⁸³ Судя по всему, Светлана Собинова была крещена как *Лукия* (*Лукерья*): К. И. Чуковский 19 (6) июля, в день св. Лукии, присутствовал на ее именинах в Сестрорецке (см.: Чуковский К. Дневник. 1901—1929. М., 1991. С. 280).

⁸⁴ Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001. С. 195—196.

в 1932 г.), Сталин, как отмечает М. Вайскопф, «с совершенно избыточным постоянством, обыгрывает ее зловещее детское прозвище»⁸⁵: в письмах к жене (также уроженке Кавказа), упоминая о дочери, он «почти всегда называет ее *Сатанка*». Когда жены не стало, Сталин изменяет *Сатанку* на *Сетанку*, якобы для того, чтобы «избежать обидных и непонятных для девочки коннотаций»⁸⁶.

Представляется сомнительным, что, выбирая имя для дочери, Сталин не только вспомнил нартовский эпос, но восстановил в своем сознании имена его героев и их мифологические функции — и все это только для того, чтобы назвать дочь именем, ассоциирующимся с матерью Сослана, то есть с его собственным именем-псевдонимом. Думается, что дело обстояло проще. Сама Светлана пишет по этому поводу: «Называл он меня (лет до шестнадцати, наверное) “Сетанка” — это я так себя называла, когда я была маленькая»⁸⁷. В результате возникло домашнее имя — *Сатанка/Сятанка/Сетанка* (а по моим наблюдениям, все три варианта встречаются в семейном языке без какой бы то ни было системы), что вполне соответствует ассимиляционным закономерностям детского языка. Девочку ласково называли *Светланкой*, и потому она стала звать себя *Сятанкой/Сетанкой*, и это ее самоназвание было усвоено старшими. В письме к Сталину от 21 сентября 1931 г. Надежда Аллилуева пишет: «Направляю тебе “семейную корреспонденцию”. Светланино письмо с переводом, т. к. ты вряд ли разберешь все те важные обстоятельства, о которых она пишет». В этом письме рукою самой Светланы сделана подпись: «Твоя Сятанка»⁸⁸.

Эффектная концепция М. Вайскопфа представляется надуманной и (в данном случае) без особой нужды демонизирующей образ ее отца. Кроме того, эта концепция не учитывает специфики имени *Светлана* в 1920-х гг., о чем говорилось выше. И наконец, есть основания усомниться в том, что имя *Светлана* было выбрано самим Сталиным.

Надежда Аллилуева родила дочь в Ленинграде, куда она приехала к родителям за несколько месяцев до родов и вернулась в Москву, когда девочке было около трех месяцев. Б. Бажанов, бывший с 1923 по 1928 г. секретарем Сталина, много общавшийся с его женой и «даже несколько подружившийся» с ней, вспоминает: «Через некоторое время Надя исчезла, как потом оказалось, отправилась проводить последние месяцы своей новой беременности к родителям в Ленинград. Ког-

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. С. 196.

⁸⁷ Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. СПб., 1994. С. 78.

⁸⁸ Надежде Сергеевне Аллилуевой лично от Сталина (Переписка 1928—1931 годов) // Родина. 1992. № 10. С. 56—57.

да она вернулась и я ее увидел, она мне сказала: “Вот, полюбуйтеесь моим шедевром”. Шедевр у было месяца три, он был сморщенным комочком. Это была Светлана...»⁸⁹.

Отъезд беременной Надежды Аллилуевой в Ленинград удивления не вызывает: женщины нередко едут рожать в родительский дом. Однако встает вопрос, почему она поступила так при рождении своего второго ребенка, в то время как первый (Василий) был рожден ею в Москве? Не стала ли причиной ее отъезда очередная размолвка с мужем, с которым к середине 1920-х гг. отношения становятся все более и более напряженными? Дополнением к сведениям о рождении Светланы в Ленинграде является фрагмент из ее первой книги «Двадцать писем к другу» (1963), где сообщается: «Мамина сестра, Анна Сергеевна говорила мне не так давно, что в последние годы своей жизни маме все чаще приходило в голову — уйти от отца <...>. Как-то еще в 1926 году, когда мне было полгода, родители рассорились, и мама, забрав меня, брата и няню, уехала в Ленинград к бабушке, чтобы больше не возвращаться»⁹⁰. Некоторые детали этого инцидента были получены Светланой от ее няни: «Няня моя рассказывала мне, что отец позвонил из Москвы и хотел приехать “мирииться” и забрать всех домой. Но мама ответила в телефон, не без злого остроумия: “Зачем тебе ехать, это будет слишком дорого стоить государству! Я приеду сама”. И все возвратились домой...»⁹¹.

Тем самым получается, что либо Надежда Аллилуева на протяжении одного года уезжала к родителям дважды (причем на достаточно продолжительный срок), либо по прошествии тридцати лет (когда и состоялся у Светланы разговор с теткой об этом событии) время ссоры между Сталиным и Надеждой, приведшей к ее отъезду, сместилось в сознании рассказчицы на несколько месяцев. Так или иначе, но можно с определенной степенью достоверности утверждать, что, рожая дочь, Надежда Аллилуева была в ссоре со своим мужем. Этот факт, на мой взгляд, делает правдоподобной версию о том, что имя для новорожденной выбиралось в его отсутствие и без его участия. В написанном еще из Ленинграда письме, адресованном матери Сталина и датированном 14 апреля 1926 г. (то есть через полтора месяца после рождения дочери), Надежда Аллилуева уже пишет о ней как о *Светлане*: «Дорогая мама Кэтэ! <...> Недавно я родила вам внучку, очень хорошую девочку, которую зовут Светланой»⁹².

⁸⁹ *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1997. С. 116—117.

⁹⁰ *Аллилуева С. И.* Указ. соч. С. 83; см. также: *Такер Р.* Сталин. Путь к власти 1879—1929. История и личность. М., 1991. С. 395—396.

⁹¹ *Аллилуева С. И.* Указ. соч. С. 83.

⁹² Цит. по: *Самсонова В.* Дочь Сталина. М.; Смоленск, 1998. С. 35.

Вполне возможно, что, будучи личностью вполне независимой и твердой, вопрос о наречении дочери она решила сама или же со своими родителями. На выбор имени новорожденной могло повлиять и имя дочери Бухарина, с семьей которого в 1920-х — начале 1930-х гг. были близки как Сталин, так и его жена.

Не исключено, однако, что в процессе наречения внучки принимал участие и дед Светланы С. Я. Аллилуев. После долгих лет работы на разных железнодорожных предприятиях России, С. Я. Аллилуев в 1907 г. приезжает в Петербург, где начинает служить на должности инженера-электрика в «Обществе электрического освещения 1886 года», до конца жизни оказавшись связанным с электротехнической промышленностью и строительством электростанций. Профессиональная деятельность деда Светланы, казалось бы, не имеющая никакого отношения к выбору имени внучки, именно в 1920-е гг. могла оказаться в этом вопросе решающим фактором. В эпоху реализации плана ГОЭЛРО по электрификации страны имя *Светлана* приобрело коннотации, вовсе не присущие ему ранее. Производное от корня «свет», это имя «впитывающая» в себя оттенки, отражающие дух времени, стало ассоциироваться не только с понятиями *светлый путь*, *свет коммунизма* и т. п., но и с понятием *электрический свет*. Связь имени *Светлана* с «электрической» семантикой начала возникать еще в дореволюционные годы: как уже говорилось, «Светланой» было названо Отделение электрических ламп. Это предприятие производило световые лампы накаливания, откуда возникла вошедшая в употребление аббревиатура *свет-ла-на*. В результате 1920-е и 1930-е гг. *светланой* стали называть электрическую лампочку⁹³. (Вспомним пастернаковское: «две женщины, как отблеск ламп “Светлана”, горят и светят среди его тягот».)

Внедрение в производство и быт электрической энергии буквально «электрифицировало» эпоху. Не захотел ли С. Я. Аллилуев, старый партиец и атеист (а потому, конечно, не озабоченный проблемой крещения внучки и наречения ее по святам), назвать ее именем, связанным с «электрической» символикой?

Тот факт, что дочь «гения всех времен и народов», «великого Сталина» звалась *Светланой*, не мог не сыграть роли в дальнейшей судьбе этого имени. Примеру Сталина последовал ряд других руководителей и деятелей советского государства, писателей, работников «культурного фронта» и рядовых граждан. Во второй половине 1920-х гг. дочери Светланы рождаются у писателя М. А. Шолохова (1926), у ближайшего сподвижника Сталина В. М. Молотова (1929), у молодого драматурга А. Н. Афиногенова (1929), у генерального конструктора

⁹³ См., например: База курносых. Пионеры о себе. Иркутск, 1934. С. 33—35.

Артема Ивановича Микояна (брата Анастаса Ивановича) и др. К началу 1930-х гг. имя дочери Сталина стало известно широким кругам советского общества. Не только на ее отца, но и на нее, стоящую на трибуне девочку, ежегодно 7 ноября и 1 мая были устремлены глаза ликующих демонстрантов⁹⁴.

3 августа 1935 г. в «Правде» была воспроизведена фотография «Товарищ Сталин с дочерью Светланой». Так имя *Светлана* начало ассоциироваться со Сталиным, а образ Светланы Сталиной превращался в один из символов времени. Все это, конечно, не могло не способствовать возрастанию моды на имя *Светлана*. В результате возникла его связь с другими «именами идеологического звучания» — *Владилен/Владлен, Вилен, Ленина, Сталина* и тому подобными⁹⁵.

В популяризации имени дочери Сталина сыграл роль и начинающий поэт Сергей Михалков, который 28 февраля 1935 г. (как раз в день рождения Светланы Сталиной) опубликовал в газете «Известия» «колыбельную» под названием «Светлана»: *«Я тебя будить не стану: / Ты до утренней зари / В темной комнате, Светлана, / Сны веселые смотри»*⁹⁶. Сам Михалков появление *Светланы* в качестве адресата «колыбельной» мотивирует желанием завоевать симпатию своей однокурсницы по Литинституту, носящей это имя. «Мог ли я подумать, — восклицает он, — что в моей судьбе такую роль сыграет случайное совпадение имен моей знакомой девушки и любимой дочери “вождя народов”?!»⁹⁷. Это «случайное совпадение», действительно, сыграло в судьбе автора «Дяди Степы» решающую роль, раз и навсегда обеспечив ему расположение «отца всех народов». Рассказывая эту историю, Сергей Владимирович явно не учел того факта, что адресат его «колыбельной», «однокурсница по Литинституту» должна бы была родиться еще до революции, а потому (как уже говорилось) имела слишком мало шансов быть названной *Светланой*. Поступок Михалкова, как откровенно карьерный, получил освещение в ряде «непридуманных анекдотов» о Сталине⁹⁸.

«Предполагаю, что много поколений детей нашей страны читало и знает это стихотворение», — простодушно пишет Михалков⁹⁹. И

⁹⁴ Васильева Л. Н. Дети Кремля. М., 1996. С. 171.

⁹⁵ См.: Бондалетов В. Д. Русский именной, его состав, стилистическая структура и особенности изменений // Ономастика и норма. М., 1976. С. 38.

⁹⁶ Михалков С. В. Светлана // Известия. 1935. № 151. 28 февр. С. 3.

⁹⁷ Михалков С. В. От и до... М., 1998. С. 57.

⁹⁸ См.: Жовтис А. Невыдуманные анекдоты: Из советского прошлого. М., 1995. С. 18—19; Боров Ю. Сталиниада. Рига, 1990. С. 91.

⁹⁹ Михалков С. В. От и до... С. 56.

он прав: колыбельная «Светлана» перепечатывалась многократно (каждый раз беспрепятственно получая на это разрешение Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром¹⁰⁰), популяризируя как дочь Сталина, так и ее имя, частотность употребления которого в 1930-е гг. неуклонно растет. Подобно тому, как в XVIII в. именник дворянок отражал рост имен, носителями которых были царицы¹⁰¹, так в сталинскую эпоху явную тенденцию к росту обнаружилось имя *Светлана*. Мои информанты старшего поколения, родившиеся в промежутке с 1930-х по начало 1950-х гг., не раз со смущением признавались, что они были названы в честь дочери Сталина.

О роли Жуковского в судьбе этого имени было забыто. Однако память об этом сохранили русские эмигранты первой волны. Когда в 1960-е гг. как в советской, так и в зарубежной печати поднялся шум по поводу «невозвращения» Светланы Сталиной (к тому времени ставшей Аллилуевой), ее имя вдруг оживило образ героини Жуковского. В ноябре 1967 г. в парижском журнале «Возрождение» было напечатано письмо в редакцию Ольги Керенской, выразившей свое возмущение по поводу того, что на обложке одного из номеров этого журнала воспроизведена фотография Светланы Аллилуевой и что в передовой статье о ней говорится как о «воплощении всего русского многострадания и героине». Автор письма видит в этом «моральное оскорбление всему русскому народу»¹⁰². Через номер в том же журнале публикуется заметка Марины Старицкой, выступившей на защиту Светланы Аллилуевой. Старицкая пишет, что впервые она услышала о Светлане в связи с распространившимся слухом о ее заступничестве перед Сталиным за Ахматову (из-за чего якобы Ахматова и не была репрессирована): «Так я узнала, что у Сталина есть дочь с *нежным именем из Жуковского “Светлана”*» (Курсив мой. — *Е. Д.*)¹⁰³.

Так через полтора столетия после создания Жуковским баллады «Светлана» были сближены, слившись в единый образ, две Светланы — «милое создание» знаменитого «балладника» и дочь «вождя всех времен и народов», давшие — каждая по-своему — толчок к утверждению имени *Светлана*.

¹⁰⁰ См., например: Репертуарный бюллетень. М., 1940. № 3. С. 17.

¹⁰¹ См.: Никонов В. А. Женские имена в России в XVIII веке. С. 134.

¹⁰² Керенская О. Письмо в редакцию // Возрождение (Париж). 1967. № 191. Ноябрь. С. 127.

¹⁰³ Старицкая М. Еще о Светлане // Возрождение (Париж). 1968. № 193. Январь. С. 125.

VI

В 1930-е гг. частота наречения девочек Светланами начинает скапливаться и на литературном именнике. Появляются произведения, героям которых присваивается это имя. Одним из них стала повесть А. Гайдара «Голубая чашка» (1935). Поэтика имен персонажей у Гайдара очень интересна и заслуживает особого внимания. Для него «каждое имя <...> несло определенный образ»¹⁰⁴. Сын его, названный нестандартным для русской культуры именем *Тимур*, писал об отце: «Да и вообще он любил необычные имена. Вспомним хотя бы солдата Бумбараша, мальчишку, которого звали Иртыш, славных ребяташек Чука и Гека...»¹⁰⁵. Очаровательную героиню своего любимого произведения — повести «Голубая чашка» — Гайдар назвал *Светланой*.

В данном случае имя героини повести вовсе не было связано со Светланой Сталиной. Так звали одну из дочерей близкого друга Гайдара писательницы А. Я. Трофимовой. Дочкам Трофимовой, родившимся в середине 1920-х гг., были даны характерные для эпохи «антропонимического взрыва» имена: Эра и Светлана. Гайдар, любивший детей и умевший с ними ладить, привязался к ним и особенно к рыжеволосой Светлане, ставшей прототипом героини «Голубой чашки». В первоначальных вариантах вместо девочки Светланы действовал мальчик Димка. Неожиданно для самого писателя сюжет изменился, «и Димку пришлось убрать. Вместо него <...> приколачивала с отцом вертушку, пряталась от Маруси и мечтала о путешествии рыженькая Светлана, по странному совпадению сильно похожая на ту, что носилась под окнами рядом <...>. Он даже обрадовался, что в новой вещи у него появится Светланка, в которой он не чаял души...»¹⁰⁶.

Светлое и одновременно элегическое настроение, создаваемое этой повестью, поддерживается не только пронизывающей его цветовой и световой гаммой, но и именем его шестилетней героини — рыжеволосой девочки с сияющими голубыми глазами, наделенной светлым характером и чувством справедливости, которую рассказчик зовет *Светланой* или *Светланкой*.

Совершенно иную роль играет имя *Светлана* в романе П. Романова «Светлана» (1934). Здесь оно служит основным сюжетным стержнем всего произведения. Герой романа — художник, вдохновленный идеями социалистического искусства и формулой социалистического

¹⁰⁴ Камов Б. Обыкновенная биография (Аркадий Гайдар). М., 1971. С. 285.

¹⁰⁵ Гайдар Т. Голиков Аркадий: Документы. Воспоминания. Размышления. М., 1988. С. 158.

¹⁰⁶ Камов Б. Обыкновенная биография (Аркадий Гайдар). С. 286.

реализма, — задумывает написать картину, отражающую строительство новой жизни. В процессе созревания этого замысла он увлекается девушкой *Светланой*, имя которой поражает и восхищает его: «Нет, все-таки какое имя у девушки! <...> Кто это придумал такое имя? — думает он. — Она положительно должна быть благодарна за него своим родителям». «Мне кажется, — признается он самой Светлане, — что если бы у тебя было другое имя, может быть, ничего бы и не было». О своих планах написать картину, воплощающую в себе «новое время», он рассказывает девушке: «...картина будет грандиозная, в ней будешь запечатлена ты, в меховой шапке и в сапогах, где-то в Сибири, в дебрях тайги, или среди камней пустыни. И там же будет выситься гигантское сооружение». Изображенная на фоне этого «гигантского сооружения» девушка Светлана должна, по замыслу, символизировать собой свет новостройки¹⁰⁷.

В этом произведении впервые прослеживается связь между именем *Светлана* и пафосом строительства новой жизни, что впоследствии не раз проявится в советском искусстве: имя *Светлана* будет формировать и определять образ героини нового времени. Не удивительно поэтому, что о невестке по имени *Светлана* мечтает Софья Петровна в одноименной повести Л. К. Чуковской (1940), женщина, «ослепленная верой»¹⁰⁸ и стремящаяся «вписаться в новую эпоху»¹⁰⁹.

На неуклонно возрастающей волне популярности имя *Светлана* начинает использоваться и в театральном искусстве в качестве имени положительной героини нового времени. В 1939 г. композитор Д. Л. Клебанов пишет балет «Светлана», героиня которого, дочь лесничего, живет с отцом неподалеку от восточной границы. Бригадир едущих на новостройку комсомольцев встречается со Светланой, и между ними зарождается любовь. Однако роль Светланы далеко не ограничивается традиционной для балетной героини любовной линией: когда подосланные иностранной разведкой «диверсант» и «шпион» пытаются совершить диверсионный акт, она вступает с ними в борьбу. Столкнувшись с врагами, Светлана проявляет истинное мужество, а затем поджигает родной дом, чтобы привлечь пограничников к месту нахождения шпионов. Так на балетной сцене рождались герои советской эпохи: комсомольский лидер и дочь лесничего, носящая то же самое имя, что и робкая, покорная судьбе героиня Жуковского. В условиях строящегося социализма формируется новый образ имени

¹⁰⁷ Романов П. Светлана: Роман. Рига, 1934. С. 147.

¹⁰⁸ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. М., 1997. Т. 3. С. 29.

¹⁰⁹ Чуковская Л. Процесс исключения. М., 1990. С. 23.

Светлана, не только ничем не напоминающий, но и кардинально отличающийся от балладного ¹¹⁰.

Тот факт, что имя *Светлана* было дано героине «бессловесного», невербального, искусства, каковым является балет, тоже показателен. С одной стороны, благодаря своей прозрачной семантической составляющей, оно сохраняло важный для балета условно поэтический ореол, а с другой — проецировалось на активно входившее в моду реальное женское имя.

К концу 1930-х гг. имя *Светлана* превратилось в одно из любимых женских имен. Романтически настроенные молодые родители называли этим именем своих дочерей в надежде на то светлое и прекрасное будущее, которое, как им казалось, ожидало их. Р. Д. Орлова вспоминает, как в 1940 г. ее первый муж Л. Шершер «в стихах, посвященных еще не рожденной дочери» писал: «*Мы Светланой тебя назовем / И выпустим в мир. / Ты прими этот мир / Как подарок от нас. / И по детской привычке / Смотреть, что внутри, / Открой / И посмотри*» ¹¹¹. Призванный в армию в 1940 г., в год рождения дочери, Л. Шершер стал участником Отечественной войны и погиб в полете в 1942 г., когда его дочери Светлане было два года.

Еще об одной родившейся перед самой войной Светлане незадолго до своей гибели в 1943 г. пишет стихотворение ее отец В. М. Чугунов: «*Я друзей обманывать не стану, / Сердце не грубеет на войне: / Часто дочь трехлетняя Светлана / Мысленно является ко мне*» ¹¹².

Превращение литературного имени *Светлана* в реально бытующее происходит в тот период, когда в русском общественном сознании почти утрачивается память как о балладе «Светлана», так и о других произведениях Жуковского. Официозным советским литературоведением Жуковский был отброшен в лагерь «консервативных романтиков», его все реже и реже печатают в массовых изданиях, исключают из школьных программ, и в результате некогда хрестоматийный поэт закрепляется в сознании учащихся как автор надписи на портрете, подаренном Пушкину: «Победителю ученику от побежденного учителя». В результате его знаменитая баллада становится достоянием лишь старшего поколения, учившегося в дореволюционной гимназии, и специалистов по русскому романтизму.

¹¹⁰ О балете «Светлана» см.: *Слонимский Ю.* Советский балет. М.; Л., 1950. С. 360.

¹¹¹ *Орлова Р.* Воспоминания о непрошедшем времени. М., 1993. С. 62.

¹¹² *Чугунов В.* Светлана // Советские поэты, павшие на Великой отечественной войне. М.; Л., 1965. С. 591.

VII

Поколение Светлан, родившихся в конце 1930-х гг., пошло в школу в первые послевоенные годы, и тогда вдруг оказалось, что почти в каждом классе (по преимуществу, городских школ) есть хоть одна Светлана. Частотность этого имени продолжает и дальше активно идти по возрастающей. В 1950-е гг. оно выбивается в первую десятку¹¹³, а в 1960-е достигает пика своей популярности, войдя в первую пятерку самых употребительных женских имен¹¹⁴. Это был поразительный рывок, совершенный новым именем, введенным после революции. Другого такого примера в истории русской антропонимики нет.

Так имя *Светлана* превратилось в обычное, немаркированное имя, отличие которого от традиционных русских имен перестало ощущаться. Имя это настолько органично вошло в жизнь, что у многих создается впечатление, что оно использовалось в качестве реального личного имени всегда. Из опрошенных мною нескольких десятков Светлан, рожденных в послевоенные десятилетия, ни одна не соотнесла (без моей подсказки) свое имя с балладой Жуковского и не засвидетельствовала того факта, что родители называли ее в честь героини баллады. Гораздо чаще они указывают на колыбельную, которую поет героиня своей кукле в кинофильме «Гусарская баллада» (1962): «Снова ночь нас разлучает до утра... Сти, моя Светлана, Сти, как я спала»¹¹⁵. «Гусарская баллада» имела громадный успех, и мамы многих моих информанток называли своих дочерей по адресату этой «Колыбельной».

Окончательное усвоение имени *Светлана* можно связать с появлением сокращенного его варианта *Света*, породившего пренебрежительно-уничижительное и фамильярное *Светка*¹¹⁶. По прошествии

¹¹³ См.: Сулова А. В., Суперанская А. В. О русских именах. Л., 1991. С. 80—81, 87; Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1983. С. 159; Он же. Русский именник, его состав, стилистическая структура и особенности изменений // Ономастика и норма. М., 1976. С. 42.

¹¹⁴ См.: Петровский Н. А. Словарь русских имен. М., 1980. С. 196.

¹¹⁵ Гладков А. Давным-давно: Героическая комедия в стихах. М., 1960. С. 69.

¹¹⁶ В 1962 г. Л. Чуковская писала об имени *Светлана*: «...как звучало это имя в десятые годы, я не знаю, быть может, тогда еще и по-жукóвски, а в наше ассоциируется оно не с Жуковским и Пушкиным, а со Сталиным и Молотовым — у того и у другого дочки именуются Светланами. С их легкой (тяжелой!) руки Светлан нынче развелось превеликое множество; что ни девочка — то Светлана (в просторечии Светка)» (Чуковская Л. Записки об Ахматовой. Т. 2. С. 527).

20—30 лет воспоминания о школьных *Светах/Светках* начинают ностальгически всплывать в текстах песен, как, например, в песне конца 1980-х гг., которая входила в репертуар группы «Веселые ребята»: «У Светы Соколовой день рожденья, / Ей сегодня тридцать лет» и далее: «Розовые розы Светке Соколовой, / Светке Соколовой, однокласснице моей, / Розовые розы я дарю ей снова / В память наших школьных дней».

В довоенные годы свойственная русской антропонимической практике тенденция к сокращению полного имени на *Светлане*, как кажется, совсем не сказывалась. Девочек звали *Светланами* либо уменьшительно-ласкательными вариантами — *Светланками/Светланочками*. Отсутствие в те годы сокращенного варианта (или, по крайней мере, исключительно редкое его использование) подтверждается и газетными материалами: «Улыбаются краснощекие, черноглазые и голубоглазые Розы, Вити, *Светланы*, Гены, Лиды, — все здоровые и крепкие», — пишет в 1939 г. корреспондент газеты «Урюпинская правда» в заметке «Счастливое детство»¹¹⁷.

Косвенным свидетельством широты распространения имени *Светлана* на рубеже 1950—1960-х гг. может послужить анекдот, в котором дается ответ на вопрос, почему русские женщины плохо ходят на каблуках: у них «слева — сетка, справа — *Светка*, позади — пьяный Иван, впереди — семилетний план»¹¹⁸. Здесь *Светка* — метонимическое обозначение дочки, равно как «пьяный Иван» — мужа. Время возникновения анекдота датируется безошибочно: директивы по семилетнему плану развития народного хозяйства были утверждены на XXI съезде КПСС, состоявшемся в 1959 г.

Что же касается литературы этого времени, то здесь имя *Светлана* дается обычно образцовым (даже идеальным) героиням. Таковы *Светланы* в повестях для детей и юношества Г. И. Матвеева «Семнадцатилетние» (1954), Н. М. Артюховой «Светлана» (1955), И. Раковской «Школьная парта» (1956) и многих других¹¹⁹. Все эти *Светланы* «школьных» повестей свидетельствуют о восприятии авторами имени *Светлана* как достойном того, чтобы его носителями были героини, заслуживающие всяческого одобрения. «А знаешь, Светлана, — говорит героине один из персонажей повести Н. М. Артюховой, — хоть и черненькая ты — чернее нельзя, а правильно все-таки тебя Светла-

¹¹⁷ Гордеев Ал. Счастливое детство // Урюпинская правда. 1939. № 99. 1 мая. С. 4.

¹¹⁸ За пример сердечно благодарна П. А. Клубкову.

¹¹⁹ См., например: Баруздин С. Большая Светлана. М., 1963; Бахревский В. Светка. М., 1965; Тихая Г. Светланка // Литературный Азербайджан. 1964. № 4. С. 81—82.

ной назвали: подходящее имя»¹²⁰. Поразительна устойчивость «положительных» черт характера этих «литературных» Светлан, которые проявляются в них с раннего детства, как будто бы данное им имя служит гарантией того, что и взрослея, они не только не утратят, но усовершенствуют присущие им черты.

Та же картина вырисовывается и во «взрослой» литературе середины XX в. В рассказе Вс. Н. Иванова «Светланка» (1956)¹²¹ и особенно в романе М. С. Бубеннова «Орлиная степь» (1959) героини *Светланы*, обладающие «твердым, решительным и, возможно, даже самоотверженным» характером¹²², связаны с героической темой освоения целинных и залежных земель, ставшей столь актуальной с середины 1950-х гг. В поэме С. Смирнова «Светлана» (1963), действие которой приурочено к 1950 г., героиня, полюбившая «парня-командира» и едущая к нему в Порт-Артур, куда из-за войны в Корее «дороги нет», преодолевает все стоящие перед ней преграды и добывается своего. Увидев ее на палубе отходящего в Порт-Артур судна, автор не в силах сдержать восхищения: *«И вижу — / черт меня возьми! — / Совсем нечаянно — нежданно, / Что замелькала меж людьми / Она, / та самая Светлана! / <...> / И на борту его — она / Стоит, слегка сутуля плечи, / Стоит, зарей озарена, / Стоит, стремясь / на встречу встрече, / Стоит, / встречая вал волны. / Стоит, готовая для взлета!.. / И на нее наведены стволы всего седьмого флота»*¹²³.

Эти многочисленные Светланы — литературные героини 1950—1960-х гг. — сами творят свою судьбу, преодолевая все возможные и невозможные препятствия. В них нет ни кротости, ни покорности судьбе. Это Светланы-победительницы.

VIII

На рубеже 1960—1970-х гг. в сфере женского имени происходят ощутимые изменения, которые становятся заметными прежде всего в городских и особенно в интеллигентных семьях. Девочек все чаще называют именами, которые в 1940—1960-е гг. воспринимались как устаревшие и «простонародные»: *Екатерина, Анастасия, Анна, Дарья* и ряд других. Вследствие постоянной тенденции к обновлению

¹²⁰ Артюхова Н. Светлана. М., 1955. С. 319.

¹²¹ Иванов Вс. Н. Светлана: Рассказ // Дальний Восток (Хабаровск). 1956. № 4. С. 24—29.

¹²² Бубеннов М. Орлиная степь. М., 1960. С. 11 (Роман-газета. № 9 (213). С. 62).

¹²³ Смирнов С. Собр. соч.: В 3 т. М., 1983. Т. 2. С. 133—144.

именника интерес к имени *Светлана* постепенно начинает спадать. Продержавшись на необычайной высоте более двух десятилетий, оно сдает свои позиции, оставаясь, впрочем, и в 1970-е гг. еще очень распространенным. Высокая частотность этого имени неизбежно приводила к возникновению ощущения его банальности, «истрепанности» и к утрате присущей ему поэтичности, которая столь остро чувствовалась в годы роста его популярности. Обилие девочек-Светлан вызывало раздражение у самих его носительниц. Мои информантки-Светланы, родившиеся в 1970—1980-е гг., не раз говорили мне, что им не нравится их имя, потому что «вокруг так много Светлан». Другие же признавались в том, что, читая балладу «Светлана», они удивлялись, как Жуковский мог дать своей героине такое «непоэтическое имя». Как это обычно происходит с модными именами, пережив успех в «элитных» кругах, *Светлана* постепенно перемещается на периферию, из больших городов в провинцию, приобретая статус имени с «простонародным привкусом»¹²⁴.

Между тем в провинции имя *Светлана/Света* становится столь же частым, каким оно было в послевоенное время в крупных городах. «*Тамань! Край земли, тупик и медвежий угол. <...> “Царь знал, куда ссылать”, — говорит мне девушка Света (всех девушек, что мне повстречались в Краснодарском крае, звали Света)*», — пишет Г. Шульпяков в очерке о городе Тамань¹²⁵.

В новой социальной среде *Светлана* в бытовом общении окажется почти полностью вытесненной *Светой* и *Светкой*. Для провинциальных Светлан сокращенный вариант их имени оказывается даже предпочтительнее, чем полный. И. А. Разумова, изучавшая в 1990-е гг. современную антропониимику в аспекте семейного фольклора, отметила, что все ее информантки *Светланы*, в отличие от носительниц других имен, едва ли не подчеркнуто и демонстративно рекомендовали себя *Светами*¹²⁶. Показательно также обилие второстепенных

¹²⁴ См.: Характер и имя. СПб., 1992. С. 31, 100. А. Я. Шайкевич пишет об этом процессе: «Имя набирает свою популярность в высокой социальной группе, затем нижестоящие группы заимствуют это имя <...> Когда имя сосредоточивается по преимуществу в низких социальных группах, начинается падение его частоты в высшей социальной группе (точка перелома)» (*Шайкевич А. Я. Социальная окраска имени и его популярность // Поэтика. Стилистика. Язык и культура*. М., 1998. С. 272).

¹²⁵ *Шульпяков Глеб*. Тамань — 2002. Вид на море на краю света // НГ Exlibris: Еженедельное приложение к «Независимой газете». 2002. № 19 (230). 6 июня. С. 3.

¹²⁶ *Разумова И. А.* Современный русский семейный фольклор как этнокультурный феномен (северо-западный регион). СПб., 2002. С. 85—86.

(даже третьестепенных) персонажей — *Свет* (никогда не *Светлан!*) в кинофильмах 1980-х гг.¹²⁷

Совершившаяся в 1970-е гг. смена социального статуса имени *Светлана* и полное забвение его культурно-исторического контекста сказались и на общественной трактовке образа *Светы/Светки*, и на его потенциях. Полное имя и стилистически дистанцируется от сокращенного, начиная восприниматься не только как отличное от *Света*, но и как противопоставленное ему. Стилистическое отличие *Светланы* от *Светы* особенно заметно в разного рода наименованиях, рекламах, объявлениях и т. п. Так, например, магазины и кафе, концерны и мелкие предприятия, светомузыкальные установки и мебельные гарнитуры, службы знакомств и кадровые агентства обычно называются «*Светланами*»¹²⁸; *Светланами* представляют себя рок- и поп-певицы¹²⁹, в то время как агенты и секретарши фирм, дамские мастера, а также податели частных объявлений в газетах, по преимуществу, рекомендуют себя *Светами*: «печки-“буржуйки”. 130-66-08, *Света*»¹³⁰ и пр.; в Год крысы (1996) *Светой* была названа «самая актуальная прическа»¹³¹; то же наименование получил и «журнал поп-музыки для женщин»¹³²; есть стиральный порошок «*Света*», тетрадки и блокноты с надписью «*Света*» с портретами Свет на обложке и т. д. и т. п.

Показательно, что в это же время получает распространение имя *Лана* (и как сокращенное от *Светлана*, и как вполне самостоятельное), которое, утратив ассоциацию со «светом» и отгородившись от многочисленных и надоевших *Светлан* и *Светок*, сохранило в себе «благородный», «интеллигентный» (и даже «иностранный») компонент *Светланы*¹³³.

¹²⁷ Проходные роли девочек и девушек по имени *Света* и *Светка* встречаются в кинофильмах «Голос» (1982), «День рождения» (1982) «За счастьем» (1982), «Полеты во сне и наяву» (1982), «Чучело» (1983) и др. (см.: Советские художественные фильмы: Аннотированный каталог. 1962—1983. М., 1999). Напомню также бойкую пловчиху Светку из лирической комедии М. Козакова «Покровские ворота» (1982), которую блестяще играет Татьяна Догилева.

¹²⁸ См.: Известия. 1994. № 201. 19 окт. С. 16.

¹²⁹ См.: Алексеев А., Бурлака А. Энциклопедия российской поп- и рок-музыки. [М.], 2001.

¹³⁰ См.: Вечерний Петербург. 1995. № 225. 4 дек. С. 4.

¹³¹ См.: Суббота: Еженедельная газета. (Рига). 1996. № 5 (87). С. 23.

¹³² См.: Родина. 1995. № 5. С. 20.

¹³³ «В моей детсадовской группе нас оказалось четыре Светы, — сообщает о себе героиня одного из детективов М. Жуковой-Гладковой, — нас звали по

Изучение репертуара женских имен в литературных произведениях последних трех десятилетий показывает наличие общих черт, приписываемых *Светам/Светкам*, что свидетельствует о формировании нового имени-типажа. «*Милая Светлана*» оказалась почти полностью вытесненной вульгарной, необразованной и (чаще всего) сексуально озабоченной *Светой/Светкой*. Это молодая девушка или женщина, родившаяся в пору спада общественного интереса к имени *Светлана* в так называемой «неблагополучной» семье. Она некультурна и малообразованна, ее интересы ограничиваются сугубо материальной сферой. Героиню эту обычно кличут *Светой* и (едва ли не чаще) *Светкой*, как, например, в повести П. Туманова «Светка-каучук», где о девушке, выросшей «на такой жуткой окраине, что ее традиционно выбирали для поселения отбросы общества», сказано: «Ее всегда почему-то звали *Светкой*». Вся Светкина жизнь сводится к поездкам по стране с цирковой труппой и к случайным связям с мужчинами. В этом и состоит, по общему мнению, ее счастье: «Для *Светки* мужик — смысл жизни. Если она не переспит с кем-то, считай, день вычеркнут из ее жизни. Ей ведь ничего больше не надо»¹³⁴.

Сексуальность и вульгарность *Светы/Светки* проявляется в ней как будто бы без особых усилий с ее стороны и становится отличительной чертой уже в школьные годы. В рассказе М. Голованивской «Разговор» (1994) героиня рассуждает: «До чего же все-таки иногда мужчины любят вульгарных женщин. <...> Я имею в виду, что, ну вот в школе, например, сначала все влюбляются в какую-нибудь бестелесную *Свету*, с прозрачными глазами, малокровную, все ходят за ней табуном, потеют от напряжения, на кого посмотрит, с кем заговорит...»¹³⁵.

В «современной сказке» П. Алешковского «Отец и дочь» (1995) речь идет о художнике и его дочери Катюше, живущих летом за городом. Каждый вечер Катюшин папа уходит и запирает дочку, «чтоб не застучала», потому что он ночует у *Светки*. Однако Катюша и так знает, что папа ее «ходит к *Светке*, к суке поганой», что он «в открытую» гуляет «со *Светкой*», что у него со *Светкой* сын. Имя *Светка* в

фамилиям, в то время как других детей — по именам, я пожаловалась старшему брату Косте <...>. Он и придумал Лану. За это я благодарна Косте — больше, чем за остальные его достижения, имевшие место на протяжении жизни» (*Жукова-Гладкова М. Героин для бизнес-леди*. М., 2002. С. 54).

¹³⁴ Туманов П. Светка-каучук (Похождения бродячей артистки). <Б. г. Б. м.>. С. 1, 15.

¹³⁵ Голованивская М. Разговор // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 325.

этом небольшом тексте встречается многократно, склоняясь во всех падежах¹³⁶.

Героиня пародийного «городского романса» А. Воловика (1997), «красуля по имени *Света*», служит завмагом, за что ее, «ввиду ожидаемых благ», и любят мужчины. Некий Серега в течение ночи пользуется этими «благами», полагая, что они даются ему «за так». Однако наутро Светка требует с него плату («*Гони, дорогуша, полтыщи / за кофей, постель и коньяк!...*»), грозясь, в случае отказа, рассказать обо всем жене. Серега «*кидается в ОБХСС*», где в отместку обвиняет свою подругу во взяточничестве. «*За Светкой приходит охрана, / Под белые руки берет*» и уводит в СИЗО. «*Напрасно в ментовке рыдала, / Двоим конвоирам дала. / Три года судья намотала / Девчонке за эти дела*», — заключает автор свое повествование о «красуле по имени *Света*»¹³⁷.

Характерный вариант того же образа представлен в «семейном альбоме» С. Е. Каледина «Коридор» (1999), где Светка — молодая красивая женщина, рожаящая детей от разных мужчин и добивающаяся от них больших алиментов. Жители «коридора» называют ее «б. и проституткой», а старухи-соседки постоянно доносят на нее в милицию за то, что она «водит к себе мужиков». К тому же она еще и «подворовывает» у своих соседей¹³⁸.

А. Маринина в романе «Когда боги смеются» (2000) проделывает с семантическим комплексом *Светлана/Света/Светка* весьма сложные манипуляции, сохраняя при этом основные параметры сложившейся к концу XX в. модели имени и характера его носительницы. Одна из героинь этого романа Светлана Медведева, певичка, «обольщающая нежных светловолосых мальчиков с невинными лицами и похотливыми движениями». Разные персонажи называют ее по-разному: замужняя и вполне благополучная тридцатилетняя Ольга, относясь к ней как «глупой и бездарной красотке», думает о ней как о *Светке*: «*Опять у Светки гульбище, <...> Не уйметя девка никак*»; *Светкой* называют ее и проходящие к ней мужики, сама она думает о себе как о *Свете*, а в авторской речи фигурирует как *Светлана*¹³⁹.

В другом романе А. Марининой («Тот, кто знает». М., 2002) имя *Светка* дано девушке из «неблагополучной» семьи — красавице с «длинными белокурыми волосами», завитыми в локоны, «свободно

¹³⁶ Алешковский П. Старгород: Голоса из хора. М., 1995. С. 31—35.

¹³⁷ Воловик А. Не только пародии // Вопр. лит. 1997. Июль—август. С. 364—365.

¹³⁸ Каледин С. Коридор. М., 1999. С. 200—208.

¹³⁹ См.: Маринина А. Когда боги смеются. М., 2000.

падающими на плечи). Эта Светка соблазняет одного из героев, но вскоре, осознав, что с ним она не достигнет положения в обществе, оставляет его, навсегда определив его отношение к женщинам: «*Опыт со Светкой ему более, чем достаточно*»; «*Светка преподнесла ему горький урок, болезненный, но полезный*»¹⁴⁰.

Верная привычке давать второстепенным женским персонажам определенного типа имя *Светка*, А. Маринина использует его и в романе «Фантом памяти» (2002), где его носителем становится писательская дочка, наделенная тем же комплексом черт, что и другие марининские Светки.

Об устойчивости сложившегося образа свидетельствует проходной эпизод в романе П. Дашковой «Эфирное время» (2000): две двадцатилетние подружки болтают по телефону и, между прочим, одна из них говорит: «*Слушай, я тут Светку Берестневу встретила, она знаешь, где теперь работает? В “Арлекино”. Представляешь, танцует стриптиз*». Другая отвечает: «*Серьезно? У нее же ноги короткие! Вяло и зло обсудили фигуру Светки Берестневой...*»¹⁴¹. Здесь Светка — эпизодическое лицо, больше ни разу не упоминающееся. Но имя выбрано безошибочно.

Даже двадцатилетняя Ирина Денежкина, самая молодая и едва ли не самая популярная у современной молодежи писательница, безошибочно угадала семантическую окраску имени *Светлана*. В ее нашумевшей повести «Songs for lovers» (2004) действуют десятка полтора подростков. Среди них — семнадцатилетняя Света/Светка Рыжова, которая показана как общедоступная и всеми презираемая девочка. Когда после одной из «сейшн» «парней спрашивали, кто такая Света Рябова, они перлись и оттягивали языком щеку», потому что «Светка напилась, и ее все парни попользовали. Она сама хотела. Ну и пофиг...»¹⁴².

Присутствие *Светы/Светки* становится обыденностью любой «тусовки»: «*Нормальный Славик / <...> / Нормальные девки, / Нормальная Светка...*», — замечает В. Сорокин в стихотворении «Норма» (1994)¹⁴³, а Олег Григорьев пишет: «*Пришла в воскресенье Светка: / Скинула мокрую тогу / И села на табуретку, / Ногу задрал на ногу*»¹⁴⁴. Г. Туманринсон в «Охальных строках» (2002) еще более «углубляет»

¹⁴⁰ Маринина А. Тот, кто знает. Перекресток. М., 2002. Кн. 2. С. 86.

¹⁴¹ Дашкова П. Эфирное время. М., 2000. Кн. 1. С. 28—29. Еще одна колоритная *Светка* фигурирует в другом романе П. Дашковой «Чувство реальности» (М., 2002).

¹⁴² Денежкина И. Дай мне (Song for Lovers). СПб.; М., 2004. С. 86, 104.

¹⁴³ Сорокин В. Норма. М., 1994. С. 80.

¹⁴⁴ Григорьев О. Стихи. Рисунки. СПб., 1993. С. 130.

этот типаж: «*Всю ночь / Сергей провел на Свете / И слез со Светы на рассвете. / Они набаловались / Власть, / Чтоб в книгу Гиннеса / Попасть*»¹⁴⁵.

Преобладающе сексуальная природа Светы/Светки обнаруживается во внешности, поведении, отношении к жизни, что породило ряд анекдотов: «*Лампа горела, но света не давала. Штирлиц потушил лампу и Света дала*»; «*Штирлиц вышел из моря и лег на гальку. Светка обиделась и ушла*»; «*Чукча возвращается с охоты домой, открывает дверь и спрашивает у жены: “Жена, можно я буду спать при свете?” — “Можно”, — отвечает жена. “Света, заходи, одна-ко”, — говорит чукча*»¹⁴⁶.

Фамильярность и приторная слащавость в обращении с этой героиней нашла отражение в рифмах-приложениях к ее имени, как, например, в популярной песенке: «*Ты кокетка-Светка, / Дорогая девочка моя, / Сладкая конфетка-Светка...*». Слова «конфета» и «конфетка» как приложения-дразнилки к имени Света/Светка прочно закрепились¹⁴⁷, потянув за собой другие рифмы-приложения: Светка-кокетка и Светка-нимфетка. Некоторые Светки пользуются этими рифмами в качестве саморекламы в интернете. Одна из создательниц своего сайта следующим образом характеризует себя: «*Я Светка — конфетка!!! Привет!!! Скоро-скоро здесь будет все! Но главное: здесь сейчас Я! Пиши мне, если ты, как и я, обожаешь секс!*». Другая Светка-конфетка, также пользовательница интернета, демонстрирует себя в виде движущейся картинке, на которой соблазнительная девушка то заворачивается в конфетную обертку, то раздевается и предстает в обнаженном виде. А молодые люди вздыхают: «*Эх, Светка-конфетка, Светка-кокетка, Светка-нимфетка!*». Остряки из Череповца создали шуточный сайт о череповецких рекордах книги Гиннеса, один из которых был установлен девяностолетней череповецкой проституткой Светкой-конфеткой.

¹⁴⁵ Туманринсон Г. Охальные строки. СПб., 2002. С. 141; см. также Шейко И. Нюхая губы Даши. [СПб.], 1988. С. 22. А вот стихотворение Е. Лесина «Инсталляция» (1996): «*Все на свете! Всех на свете! / Я один хочу на свете, / И тем более на Свете, / И тем более при свете, / И тем более хочу...*» (Лесин Е. Записки из похмелья. М., 2000. С. 15).

¹⁴⁶ Напомню также высказывание, известное по кинофильму В. Шукшина «Калина красная» (1983): «*От твоей Светы — как от свиньи: визгу много, а шерсти мало*».

¹⁴⁷ Некая Света по прозвищу (или фамилии) Конфета одно время «тусовалась» в кругу советских хиппи 1960—1970-х гг. См.: Равдин Б. Графитти // Даугава. 1994. № 1. С. 99.

Таков печальный и, я бы даже сказала — трагический путь, пройденный именем *Светлана*: от «незабвенной», «милой», «грустной» и «робкой» героини Жуковского до девяностолетней череповецкой проститутки¹⁴⁸. Этот странный зигзаг в судьбе имени и образа героини знаменитой баллады пришелся на эпоху возвращения русского общества к традиции народных календарных праздников (в том числе — к святкам), которая породила и это имя, и этот образ.

Не сомневаюсь в том, что литература последних десятилетий изобилует множеством аналогичных героинь, наделенных другими именами, и наоборот — множеством *Светлан*, хранящих в себе притягательную силу «незабвенной Светланы»¹⁴⁹. В последние годы баллада Жуковского после долгого перерыва вновь оказалась включенной в качестве обязательного произведения в школьные программы по русской литературе. Определенные тенденции в обществе и в современной литературе подают надежду на скорые перемены в отношении к имени *Светлана*, двухсотлетняя история которого показывает, сколь сложной и противоречивой и даже трагичной оказалась его судьба.

¹⁴⁸ Не желая в угоду концепции утаивать не совпадающий с ней материал, укажу на пример со *Светланой*, образ которой, как кажется, соответствует модели *Света/Светка*: «...позади / Стояла юная Светлана, / Сжирая взором его спину, / Была она слегка румяна, / Одета в тальму и косыну» (Мякишев Е. Ловитва. СПб., 1992. С. 14). Возможно, полная форма имени появилась здесь как следствие ямбического стиха, для которого *Света* или *Светка* оказались неподходящими.

¹⁴⁹ Прежние мотивы иногда прорываются и в поэзии, и в жизни: «*Светлячок, ты мой, светлячок, / Говорила мне ласково мама, — / Неспроста я тебя назвала / Этим именем светлым — Светлана*» (Дион С. Тысяча и одна жизнь. СПб., 1998. С. 115). А в журнале для подростков «*Мы*» (1996) приводится показательное в этом плане письмо двадцатилетнего Вячеслава: «*У меня есть квартира, машина, отличные друзья и любимая, единственная девушка, милая Светланка, с которой я познакомился два года назад в библиотеке (да, да, не на дискотеке или пьяной вечеринке)*» (Кому вы завидуете (Рубрика «Письма в “Мы”») // *Мы*. 1996. № 2. С. 3).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения

ИМЯ

Семантическая аура

Ответственный редактор
Т. М. Николаева

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2007

Издание осуществлено при финансовой поддержке
 Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
 проект № 06-06-87024

Редколлегия:

Вяч. Вс. Иванов, А. Ф. Литвина (отв. секретарь),
 Т. М. Николаева (председатель), В. Н. Топоров,
 Ф. Б. Успенский

И 50 **Имя: Семантическая аура / Ин-т славяноведения РАН; Отв. ред. Т. М. Николаева. — М.: Языки славянских культур, 2007. — 360 с. — (ИМЕНОСЛОВ/ИМЯ: Филология имени собственного).**

ISBN 5-9551-0163-2

В настоящем сборнике собраны статьи, открывающие новое направление в языкознании: изучение «семантической ауры» имени собственного. Это направление стало возможным благодаря развитию лингвистики текста и той теории текста, которая отличает исследователей Московской семиотической школы.

Сборник посвящается памяти замечательного ученого — Владимира Николаевича Топорова (1928—2005), ранние и малодоступные труды которого представлены в этом издании.

Вслед за этим сборником последуют и другие того же направления, которые будут интересны филологу самого широкого профиля.

ББК 81.031

ИМЯ

Семантическая аура

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление переплета А. Григорьева

Оригинал-макет изготовлен И. Богатыревой. Корректоры М. Тимофеева, О. Курочкина

Художник-консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 02.11.2006. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Гарнитура Times. Усл. печ. л. 22,5. Тираж 800 экз. Заказ № 6912.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»

«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».

214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

Издательство «Языки славянских культур». № госрегистрации 1037789030641.

Site: <http://www.lrc-press.ru> Phone: 207-86-93 E-mail: Lrc@comtv.ru

ISBN 5-9551-0163-2

© Авторы, 2007

© Языки славянских культур, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т. Николаева.</i> Предисловие	7
--	---

РАЗДЕЛ I

<i>В. Н. Топоров.</i> От имени к тексту	15
<i>В. Н. Топоров.</i> Πύθων, <i>Áhi Vidhnuà</i> , <i>Бадньāk</i> и др.	28
<i>В. Н. Топоров.</i> Древнегреческие <i>μάχαρ</i> , <i>μαχάριος</i> и др.	43
<i>В. Н. Топоров.</i> Фракийское <i>Σπάρτακος</i> в индоевропейском контексте	52
<i>В. Н. Топоров.</i> Об одном архаичном переживании: Похороны Сидора Карповича	67
<i>В. Н. Топоров.</i> К интерпретации былины «Путешествие Вавилы со скоморохами»: мифологические истоки и историческая подкладка	90
<i>В. Н. Топоров.</i> О «пугачевском» слое в образе Зимовойкина и «наполеоновском» слое Прохарчина	113
<i>В. Н. Топоров.</i> «Скрытое» имя в русской поэзии	118
<i>Н. Н. Запольская.</i> Рефлексия над именами собственными в пространстве и времени культуры	133
<i>Т. В. Топорова.</i> Русское <i>горы толкучие</i> — древнеисландское <i>Hnitbjörg</i> 'сталкивающиеся горы'	151
<i>И. А. Седакова.</i> Новая прагматика архаических моделей: Имена неоязычников	166

РАЗДЕЛ II

<i>Т. М. Николаева.</i> Князь Звездич и баронесса Штраль — кто они такие?	191
<i>А. Б. Пеньковский.</i> Пушкинский текст и текст культуры: <i>О Петре Петровиче Курилкине</i> , о покойниках и мертвецах, о « <i>гробах напрокат</i> », о желтом цвете и о многом другом (« <i>Гробовщик</i> »)	214
<i>Ф. Н. Двинятин.</i> Из заметок по поэтике имени (Курочкин, Достоевский, Мандельштам, Набоков)	256
<i>Н. В. Васильева.</i> Поэтика безымянности (по мотивам Милана Кундеры)	271
<i>М. А. Дмитриевская.</i> Об отношении искусства к действительности, или Почему майор Петр Лавренов убил Элизу Прево (рассказ Юрия Буйды « <i>Чужая кость</i> »)	289
<i>Е. В. Душечкина.</i> Культурная история имени: Светлана	323